

K2

Быть Зарком

18+

К2 К2

Быть Зарком

<https://litres.ru/73448036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я Зарк. Бывший агент. Бывший спецгент. Бывший почти всё, что только можно потерять в этой жизни, не умерев при этом. За которого судьба решила, что я слишком долго сижу в углу и смотрю на неё саркастическим взглядом. А значит, пора бы меня вытащить на сцену.

Они назвали меня «Агентом-спасителем». Знаю, звучит как название дешёвого моющего средства. Или как диагноз. Но быть героем в мире, где свобода - это товар, а правда - контент — это не подвиг. Это лишь рекламный ход. Особенно, когда ты делаешь это не с кулаками, а с микрофоном. Но мне это надоело, и я начал играть по своим правилам.

Так я и попал в этот космический квест, эту охоту за смыслом в мире, который давно перестал его искать. Но я не спаситель. Я ошибка в системе. Баг, который начал писать свои собственные строчки кода плазменным кнутом и острым языком.

«Быть Зарком» — это не космический сериал. Это стендап в антисанитарных условиях галактики. Попытка найти дверь в лабиринте, который построен так, чтобы дверей не было.

К2

Быть Зарком

Глава 1

Возвращение на Люксор X5

или как я стал собственным аттракционом

Время – забавная штука. Как личный тренер по саморазрушению, которого вы никогда не нанимали. Он ставит вам цели: «Цель №1: Добейся всего!». Вы пашете, вы почти у цели: агент, спецагент... Но оно такое: «Отлично! А теперь новая цель – потеряй всё! Это сделает тебя... многограннее!». Твою же мать в чёрную дыру! Но вам даже не дают вставить слово и моментом меняют декорации. А когда вы, разбитый и нищий, выползаете на финишную прямую этой кошмарной дистанции, он опять хлопает вас по плечу и объявляет: «Поздравляю! Теперь ты – поп-идол для дебилов и ходячий арт-хаусный проект под названием «Икона стиля отчаяния». Видишь – у нас всё получилось!».

А ещё этот тренер обожает интервальные нагрузки. Годы размеренной жизни остаются в памяти как лёгкая пятиминутная разминка. Но зато один короткий приступ паники может длиться субъективно целую вечность. И теперь, когда моя жизнь стала памятником, они подходят и говорят: «Вау,

какое крутое путешествие!». И я молча киваю, хотя в голове проносится: «Это не путешествие. Это – несчастный случай, растянутый на несколько сезонов. И я главная жертва. И режиссёр. И зритель, который хочет, чтобы это поскорее закончилось».

Извините, я отвлекся. Накрыло немного. А, вы же ещё не в курсе? Позвольте наверстать. Садитесь поудобнее, но не слишком – а то вдруг придётся срочно эвакуироваться из моего повествования через аварийный шлюз. Но пока будет немного скучно и поучительно, как инструкция к сборке гипердвигателя, которую писал поэт-символист под воздействием тяжёлых газов туманности Скорпиона. Назовем это «Три месяца назад. Глава «Триумф», или «Как я научился не волноваться и полюбил свой голопамятник».

Прошло уже три месяца. Или четыре. А может, всё это был один затяжной вдох между «Твою же...» и «Ну, вот и всё». Когда из тебя делают бренд, хронология твоей жизни проходит липосакцию. Из неё выкачивают всё живое – сомнения, страх и тот самый дурацкий смех сквозь слёзы. А потом накачивают силиконом глянцевого дат и официальных версий. Получается красиво, гладко и совершенно неотличимо от пластикового макета счастливой жизни. Можно тыкать пальцем – не шевелится. Идеально.

О чём это я? Ах, да. Погружение в славу – процесс, напоминающий консервацию. Тебя помещают в банку с рассолом из пафоса, закатывают крышкой публичных ожиданий и

оставляют на полке достижений, где ты должен тихо дозревать до состояния идеальной закуски к пропагандистскому ролику.

Итак, я вернулся на Люксор Х5. Не с триумфом. А с ощущением какой-то даже неловкости, как будто пришёл на званый ужин в костюме, который только что использовал для тушения пожара в двигателе. В голове гудел один-единственный, вращавшийся на перемотке: «И какого чёрта, собственно, дальше? Куда идти, когда все таблички с надписями «выход» оказались нарисованными на глухой стене?».

Люксор встретил меня. Не объятиями. Не ликованием. Но ледяным, выверенным до микрона гостеприимством, с каким чёрная дыра встречает случайную комету – без эмоций, просто неизбежным законом физики, в котором уже прописана конечная точка в виде сингулярности всеобщего равнодушия. Воздух здесь пах не домом. Он пах стерильным воздухом кондиционированных улиц, тоской по чему-то настоящему и едва уловимым ароматом готовящегося за моей спиной нового корпоративного мифа.

И самое ужасное – часть меня, та самая, что так отчаянно цеплялась за своё «настоящее я», с облегчением подумала: «А ведь это даже удобно. Не надо больше выбирать. Не надо быть. Достаточно просто соответствовать». И вот это и было уже настоящей чёрной дырой. Той, что тихо и эффективно засасывает тебя изнутри, подменяя сущность – функцией, а жизнь – красивой, утверждённой всеми легендой. И ты да-

же не сопротивляешься. Потому что падать в такую дыру – нестрашно. Просто свободное погружение в вакуум чьих-то ожиданий.

Вообщем вскоре я предстал перед своим начальством в лице главного офицера разведки Ролта. Он, как обычно, олицетворял форму разумной жизни, эволюционировавшей для потребления отчётов и излучения разочарования. Всё тот же чёртов взгляд архитектора, который заказал дворец, а ему привезли сарай и теперь он из-за меня вынужден в нём жить. Так всегда. Ты приносишь им решение проблемы, а они смотрят так, будто ты принёс им мёртвого хомяка в коробке из-под пиццы. «И это всё?» – спрашивает этот взгляд. «Где презентация? Где сводные таблицы? Где предвосхищение наших незвученных желаний?». Ты пытаешься объяснить, что спас, условно, три планеты от коллапса. А он качает головой: «Но ты опоздал на совещание. Ты нарушил поток. Ты создал сбой в красивой, предсказуемой системе, которая кормит нас самих собой. А это хуже, чем гибель цивилизации». И ты понимаешь: быть героем для них – недостаточно. Нужно быть ещё и удобным. А удобный герой – это не герой. Это милый домашний питомец в позолоченном ошейнике с логотипом корпорации.

Но в тот раз всё было уже не так. Начальство, разумеется, попыталось изобразить контролируемый выброс корпоративной ярости. Мол, агент, да как ты смел, покинуть Систему Лебедя без нашего позолоченного благословения?

Я лишь пожал плечами. Жест вышел усталым, как последний день дрона-уборщика перед списанием. К удивлению я не обнаружил внутри себя вообще никакой реакции. Будто я был не человеком, а пустым наноплащём, надетым на вешалку из усталости. Я смотрел на Ролта своим новым расфокусированным взглядом. Таким, которым видишь не боссов, а просто ещё одних существ, застрявших в своих костюмах-скафандрах и голографических отчетах.

– Орден Босоногих, – произнёс я, делая паузу, как перед выходом в космос, – Более не является оперативно-значимой единицей.

Ролт посмотрел на меня как патологоанатом на вскрытии, где труп внезапно сел и начал давать советы. В его глазах была смесь подозрения и тихой уверенности, что его сейчас разводят, но пока не понятно, на чём именно.

Пришлось упростить.

– Орден ликвидирован. В смысле уничтожено его логово и передатчик через который они делали свои террористические голографические вылазки по вселенной.

Опять молчание. Двусмысленное как неоновая вывеска над борделем философской мысли. Ну что ж. Если тебя не слышат – говори громче. А лучше – покажи. И я рассказал. А потом, как вишенку на торт его неверия, врубил голозапись от плазмоида. Да, ту самую, где мы, подобно компактному, но дерзкому солнцу, прошли через логово Ордена, как раскаленный нож через синтетическое масло, оставив после

себя лишь эхо «Ну и как вам такое просветление?».

Он всё равно не поверил. И они всё проверили. И убедились. И рассказали остальным. И... щёлк. Что-то переключилось. Не в правде. В нарративе. Произошло магическое превращение. Со мной в главной роли. Система совершила свой излюбленный трюк. Ведь правда, которая не вписывается в удобный нарратив, проходит процедуру ребрендинга. Её не отрицают – её возводят в ранг высокого искусства. Неудобные факты становятся «смелыми метафорами». Предательство – «сложным моральным выбором эпохи». А я, живым носителем этой неудобной правды, бережно отполированным, покрытым лаком героического пафоса и выставленным в витрину под свет софитов. Из угрозы я превратился в арт-объект. Самый безопасный вид правды – та, которую можно купить как сувенир, не рискуя ничего понять.

Рассказывать подробности – всё равно что пересказывать сон пингвина про гигантского розового слона на велосипеде. Бессмысленно и немного стыдно. Но для полноты картины: в системе Электра (цены там такие, что даже покупка коктейля требует отдельного кредитного одобрения) под мой «подвиг» отвели целую планету. Не планетоид. Планету. Аттракцион: «Квест Агента-Спасителя». Целый мир, посвящённый моему «героизму». Там теперь можно пройти мой путь, начиная от

«Побега из чёрной дыры» (водная горка с чёрными стенками), поучаствовать в интерактиве «Диспут с монахи-

ней» (аниматор задаёт неудобные вопросы, а ты должен бить его плазменным кнутом), и финал – «Очищение логова скверны пламенем истины» (салют из голографических огней и бесплатный коктейль «Сингулярность» на выходе).

Я сходил. Всё-таки новое положение обвязывает. Торжественное открытие транслировалось на всю галактику. Конечно предложили первому попробовать. И я как бессловесный зомби сдуру согласился. Прошёл половину, до момента, где аниматор в костюме Элли с пластиковой улыбкой вещал о свободе от материального. И меня... не стошнило. Со мной стало хуже. Мне стало скучно. Осознать, что твоё самое живое, пьяное и отчаянное приключение превратили в пресный, безопасный парк развлечений, – это как обнаружить, что твой самый страстный роман пересказали в виде инструкции по сборке мебели. Все детали на месте, а души – ноль. Это хуже, чем смерть. Это... какая-то анестезия души. Тебе показывают чучело дракона, который чуть не разнёс тебя в клочья и говорят: «Смотри, какой милый! Можно потрогать».

Так что теперь можете звать меня Агент-Спаситель. Только, пожалуйста, без слёз умиления. У меня на них аллергия. Развилась недавно. Ах, да, кульминация. Жемчужина в короне этого цирка.

Я же ещё стал причиной заварухи в Межгалактическом Совете. Вот это было действительно интересное кино. Как помните, Орден подкупил большую их часть. И мне пыта-

лись поручить миссию по подкупу последнего Мастера Рандли – жуткого рептилоида, но, как выясняется немногого из честных. Когда я доложил об этом моему начальнику Ролту, возникла серьёзная заминка. Всё-таки Совет – высший межгалактический орган. Избирается раз в десять лет. И даже альтернативы ему не предусмотрено. Как сейчас помню кабинет Ролта полутёмный как совесть хорошего политика.

– Если это правда, – сказал он, не глядя на меня, – то мы оба в большом, парсеков на десять, дерьме. Вы понимаете, что будет стоит этой информации выйти за пределы этой комнаты...

– ...то сначала убьют гонца, – закончил я за него. – Потом сожгут донесение. Потом объявят гонца сумасшедшим, а донесение – фальшивкой. А на месте, где всё это произошло, построят ещё один аттракцион. Я в курсе.

Он кивнул, и в этом кивке была вся усталость галактики.

– Но и молчать нельзя, – он протёр переносицу, и в этом жесте проступила беспомощность, которую он пока скрывал за всеми своими масками.

Между нами пауза повисла, массивная, как астероид из чистого абсурда.

И тут во мне проснулся тот самый самоубийственный рефлекс неконтролируемой импровизации: «Когда все пути ведут в никуда, самое время протоптать свой, самый дурацкий и нелогичный».

– Дайте мне выступить в Совете, – выпалил я.

Он вздрогнул от неожиданности, будто я предложил ему засунуть голову в работающий пищевой синтезатор, чтобы посмотреть как он работает.

– Зачем Вам это? – он наконец посмотрел на меня. В его взгляде было непонимание андроида, которому показали карточный фокус.

– Пока до конца не знаю. Но, есть впечатление, что всё по ходу разрешиться. Ответственность беру на себя, тем более, что мы с Вами пришли к общему мнению относительно очевидных последствий для меня. Не отказывайте. Это мой личный, глупый, может даже последний квест. Или мне выкручиваться самостоятельно? Второй вариант будет грязнее. И гораздо менее контролируемо.

– Это шантаж, агент? – в его голосе была попытка вернуть наши старые, удобные ему отношения. Звучало это так же нелепо, как попытка зарядить плазменный кнут от солнца.

– Ролт, – вздохнул я, – Давайте уже без этого. Мы оба знаем, кто я сейчас. И знаем, что завтра меня может не быть. Так что доверьтесь. Или сделайте вид. Но дайте мне выйти на эту сцену.

Он прищурился, его лицо стало похоже на карту местности с плохим прогнозом. Я просто ждал не отводя взгляд. Он смотрел долго. Видно искал в моих глазах сумасшествие, амбиции или страх. Не нашёл. Нашёл только скупающее любопытство. И это, видимо, его убедило.

– Хорошо, – сдался он, – Через два дня. Организую экс-

тренное заседание. По поводу вашего... триумфа. Им же хочется зрелищ. Надеюсь, Вы их не разочаруете.

– О, – я позволил себе лёгкую, кривую улыбку. – Веселье я гарантирую.

– Вижу Вы настроены по боевому. – он явно не разделял моего оптимизма, – Кстати, могу предложить им открытое заседание с трансляцией по галактике.

– Да, желательно. Чтоб когда бомба взорвалась волна дошла до самых её отдалённых уголков.

И я ушёл. Готовиться к своему главному выступлению. Без страховки и дублей. Без шансов на аплодисменты. Но зато с одним-единственным, дико дорогим бонусом – возможностью сказать всё, что думаю. В прямом эфире. На всю галактику.

Глава 2

Инвестиции в молчание или

Как тебя превращают в манекен с грузом совести

Я, конечно, бывал на заседаниях Совета. В роли фона. Быть фоном для принятия судьбоносных решений – это особый вид медитации. Ты учишься выглядеть так, чтобы не привлечь лишнего внимания, и смотреть вдаль с видом, будто твой мозг обрабатывает терабайты стратегических данных, а не решает, что заказать сегодня на ужин.

Но выступать? Выступать – это уже другая лига. Для меня

это было как выйти из зрительного зала прямо на арену в костюме морковки, чтобы объяснить тиграм преимущества растительной диеты. Уровень самоуверенности, граничащий с диагнозом. Неутешительным.

Я висел. Буквально. На небольшой антигравитационной площадке, которая напоминала не трибуну, а скорее изысканную пыточную конструкцию для тех, кого хотят унижить с максимальным комфортом. Посередине – скромный пульт, будто говорящий: «Вот твой микрофон, букашка. Попробуй прожужжать что-нибудь внятное».

Я оглянулся вокруг. Площадка, эта крошечная летающая таблетка от скромности, значительно поднимала не только меня, но и мою самооценку. Приятно осознать, что тебя вознесли на пятьдесят метров над обычным миром простых существ. Но глядя на то, что впереди понимаешь, что это лишь только чтобы ты почувствовал себя ещё меньшим перед этим давлением государственной архитектуры.

Передо мной расстилался полукруглый зал. Не зал. Пещера. Геометрическое воплощение коллективного «Мы здесь решаем». Пещера важности, где сталактитами свисали нерешённые вопросы, а сталагмитами подпирались непоколебимые догмы. И где-то в её полутёмной глубине были они – самые главные существа во вселенной.

Вдаль от моей площадки лучами расходились линии, нарекая пространство на десять равных кусков священной геометрии власти, будто праздничный торт вселенского мас-

штаба, который могли есть только они. И в каждом таком куске, размером с парковку для моего ZX, восседал член Совета. Каждый в своём персональном вакууме значимости, отделённый от соседа не стеной, но непреодолимой пропастью статуса. Они «владели» этой своей порцией права. Не как соседи, а как параллельные вселенные, сходящиеся в одной точке наблюдения: во мне.

«Похоже до них метров около ста. Плазменным кнутом быстро и достанешь» – подумала во мне циничная суть спецагента. Но кнутов, конечно, у меня с собой и не было. Как и иллюзий.

От места моего подъёма и вдаль к ложам членов Совета раскинулось живое море из всевозможных существ, которым посчастливилось попасть на этот мой концерт. Это странство колыхалось и издавало радостные звуки как единый организм, которым в сущности оно и было.

Заседание открыл председатель. Тирс Мо. Землянин. Представитель моего вида. Но в этом зале он был не человеком. Он был инсталляцией. Живым элементом декора, чья функция – озвучивать предписанный ритуал.

– Межгалактический совет, – начал он и его голос звучал не из далёкой точки, а прямо у меня в ухе, будто добрый психолог, который уже приготовил направление в тихую лечебницу, где тебя забудут навсегда, – Внимательно изучил все материалы, касающиеся вашего... подвига.

Он сделал микро-паузу на слове «подвиг». Достаточную,

чтобы я успел подумать: «Ага, сейчас будет «но». Но... не угадал.

– То, что все мы впечатлены вашим мужеством и отвагой, – продолжил он, – Это всего лишь очень поверхностная возможность сказать то, что мы действительно испытываем в этой связи.

«В этой связи», – пронеслась мысль, – Адская ты плесень, они даже одобрение выражали канцелярскими штампами.

– Тем не менее, мы не застрахованы от того, что Орден не продолжит свою деятельность. В этой связи у нас есть к вам ряд вопросов. Пожалуйста Мастер Рандли, начинайте.

И тут передо мной из клубов голографического дыма материализовалось это.

Рептилоид Мастер Рандли. Увеличений в... в сотни раз? Сложно сказать. Его голова, находившаяся на одном уровне со мной была размером с зал моего ZX. Я стоял на своей крошечной антигравитации площадке. А передо мной висел монстр, чья проекция могла бы накрыть целый дом. Это был не допрос. Это было представление. А я – главный и единственный живой экспонат.

Дальше началось то, что с большой натяжкой можно было назвать «общением». Это было похоже не на допрос, а на медленный, ритуальный проход через строй из десяти вселенных, каждая из которых вращалась исключительно вокруг собственной оси. Каждый член Совета, не покидая свою вакуумную капсулу значимости, считал своим священным

долгом не столько задать интересующий вопрос, сколько продемонстрировать глубину своей проницательности, масштаб своей заботы и тот специфический, тонкий ужас, который вызывает у него мысль о неподконтрольной галактике.

– Сколько, по вашим оценкам, может быть членов Ордена? – спрашивал один, растягивая слово «может» так, будто в нём был спрятан потаённый смысл, доступный лишь избранным.

– Какие существа... в основном... в него входят? – вторил другой, делая многозначительную паузу, как будто я должен был сам догадаться, что правильный ответ – «Те, кого мы уже занесли в чёрные списки, но пока не арестовали».

– И... технологии? Какими технологиями они владеют? – шипел третий, и в его голосе звучал не страх перед угрозой, а жадный, профессиональный интерес коллекционера, который хочет знать, какую именно редкую безделушку у него чуть не украли.

Казалось, этому не будет конца. Каждый вопрос был не запросом к информации, а маленькой, тщательно отрепетированной речью перед невидимой но реальной аудиторией в галактике. «Смотрите, – говорила каждая их интонация, – Как я глубоко копаю. Как я переживаю. Как моя голова занята исключительно судьбой мироздания. Я был для них не собеседником. Я был живым реквизитом. Очередным экспонатом в их музее собственной важности, на котором удобно развешивать таблички с надписями «Вот как мы работаем»

и «Наша бдительность не знает сна».

И я отвечал. Медленно, односложно, как заевшая голограмма с официальным отчётом. Мои слова были лишены деталей, эмоций, каких-либо крючков, за которые могло бы зацепиться их любопытство. «Приблизительные оценки... Разнообразный видовой состав... Технологии в основном кустарные...» Я не врал. Я просто предлагал им пресную кашу фактов, от которой не хочется брать добавку. Моя цель была не просветить, а не спровоцировать. Не дать повода для нового витка этой бюрократической карусели, где каждый следующий круг был ещё скучнее и бессмысленнее предыдущего.

И наконец, это закончилось. Не потому, что вопросы иссякли. А потому, что ритуал требовал кульминации. Церемонии.

Тирс Мо, председатель, отплыл от своего центрального сектора. Его антигравитационная платформа, такая же, как моя, но словно бы начищенная до более дорогого блеска, плавно поплыла в мою сторону как воплощённый итог, как живая, разумная точка в конце долгого и нудного предложения.

И когда он приблизился, я окончательно всё понял. В его руках лежало Оно. Ожерелье Андромеды. Но не просто цепь. Это была река. Река из застывшего света, сплетённого в звенья. Аркты. Камни, в которых заключена сама идея ценности. Каждый из них переливал уникальными оттенками, ко-

торых нет в природе и стоил, как мой ZX с полной комплектацией. От одного этого вида, этой сверкающей демонстрации щедрости системы, у меня внутри что-то ёкнуло. Не радость. Не гордость. Что-то другое. Глухая, физическая вибрация абсурда, которая отдалась лёгкой дрожью в ногах, будто гравитация на моей платформе на секунду усомнилась в своих принципах.

И затем он возложил её на меня. Нет, не возложил. Воздрузил. Тяжесть была не физической – платформа компенсировала вес. Тяжесть была метафизической. Это была тяжесть общественного договора, отлитая в драгоценную форму. Груз молчаливого соглашения: «Мы тебя купили. Ты теперь наш». Я непроизвольно, чуть согнулся под этим грузом. Это было даже не моя пенсия. Это была пенсия моих детей, гипотетических внуков и возможно в далёком будущем всех остальных, живущих на проценты с этого богатства.

И в этот момент пространство вокруг взорвалось звуком. Но не аплодисментами. Рёвом. Радостным, торжествующим, сметающим все сомнения рёвом одобрения. В этом гуле, в этом вибрационном вареве из голосов и синтезированных фанфар, чётко звучала одна, простая, железная нота. Она не произносилась вслух, но её слышали все, от меня до последнего клерка в самом дальнем секторе вселенной: «Брось. Брось всю эту нелепую, неудобную правду. Замолчи. Стой спокойно на этой вершине, которую мы для тебя построили. Будь красивым, блестящим памятником Нашей Победы. И

просто... давай возможность брать с тебя пример. Без вопросов. Без подробностей. Просто пример. Удобный, блестящий и очень, очень дорогой».

И я стоял. Согнувшись под тяжестью ожерелья, которое весила больше, чем вся моя прежняя жизнь. И чувствовал, как тишина внутри меня, та самая, что пришла на смену страху, начинает медленно заполняться новым чувством – ледяным, ясным и абсолютно беспощадным. Чувством цены. Цены, которую только что заплатил за молчание. И я уже начинал понимать, что настоящая битва ещё только начинается. И оружием в ней будут не плазменные кнуты, а вот эта блестящая тяжесть на моих плечах и те слова, которые я ещё не сказал.

Рёв коллективного самоудовлетворения, постепенно стих. Не потому, что эмоции иссякли, а потому, что ритуал требовал паузы для осознания величия момента. В наступившей тишине, густой и липкой, этом сиропе избыточной торжественности, мой пошатнувшийся было под тяжестью арктов сарказм, наконец-то выбрался наружу, отряхнулся и встал в полный рост. «Ну что ж, – сказал он. – Неплохо устроились. Теперь ты не просто памятник. Ты – ювелирное изделие с сертификатом соответствия и гарантией молчания. Но знаешь что? – внутренний голос замер, словно прицениваясь. – Может, это ещё не предел пафоса? Представь, как эффектно будет выглядеть, когда ты с этого пика славы, устремись вниз, пробив пробив дно на которое тебя уже тянет эта на-

града. Которую тебе дали чтобы взлететь, а ты используешь, чтобы быстрее рухнуть. Поэтично. Идиотично. Зато самое эпичное шоу за всю историю этого цирка!»

– Меня переполняют чувства, – начал я, глядя на улыбающегося Тирса Мо. Мой голос прозвучал ровно, с правильно подобранной дрожью в голосе, – Но всё-таки, – продолжил я, слегка повысив тон, словно преодолевая ком в горле, – Мне хотелось бы сказать пару слов. От всего сердца.

– Конечно, – произнёс он, и в его усиленном голосе зазвучали нотки отеческой гордости. – Мы все будем очень рады вас услышать.

Он купился. Побыв рядом со мной сколько положено по его статусу, он развернулся и направился к своему сектору, оставив меня одного. Одного в самом центре всеобщего внимания, под тяжестью их награды и с невысказанной правдой, которая клокотала внутри, как плазма в перегретом ядре реактора.

Я сделал шаг вперёд к краю платформы, почувствовав, как холодный металл пульта упирается в ладонь. Аркты на моей шее отозвались тупой, дорогой тяжестью. Я взглянул на эти десять секторов, на эти десять островков самодовольства, и глубоко вдохнул.

«Ну что ж, – подумал я. Мысль была гладкой и острой, как лезвие. – Вы хотели меня услышать? Сейчас вы услышите. Только вряд ли теперь это будут слова благодарности. Скорее... приглашение на ваш собственный, бесславный крах».

Глава 3

Монолог в сияющих оковах или

Как я вещал на вселенную, что все живут в рекламном ролике

Оружие противник должен увидеть не раньше, чем ты начал его использовать. Так что я не торопился выкладывать свои главные козыри. Вместо этого я начал с того, что все от меня и ждали. А именно нёс эту обычную, сладковатую, патокообразную чушь с таким искренним, стеклянным взглядом, что даже мой внутренний циник чуть не подавился, ошеломленный масштабами моего лицемерия. Слова текли плавно и пусто, как инструкция по сборке мебели из плоских щитов: «Глубоко тронут... Для меня честь... Неоценимая поддержка Совета... Верю в наше светлое будущее под вашим мудрым руководством...». Я не говорил ничего. Я производил акустический успокоительный сироп. Цель была проста: дать разуму окружающих легальный повод отключиться. Снять контроль. Чтоб в эту образовавшуюся тишину, в эту брешь в их внимании, я и запустил свой настоящий вирус.

Закончив этот ритуальный фарс, я согнулся в поклоне – неглубоком, но достаточно почтительном, чтобы это сочли за смирение, а не насмешку. И снова провалился в гул ликования. Этот звук был похож на шум двигателя, который

только что получил нужную шестеренку и с облегчением запустился на холостом ходу. Разгибаясь я уже не мог сдержать кривую улыбку. Я поднял руку вверх, призывая к вниманию. Рёв постепенно стихал как эхо от взрыва.

– Извините, начал я и мой голос, подхваченный усилением, поплыл по этому живому пространству, как одинокий спасательный плот в космосе.— Но я ещё чуть-чуть злоупотреблю вашим вниманием.

Гул никак не хотел прекращаться. Он был похож на инерцию большого, глупого и очень довольного собой животного, которое даже после команды «стоять» ещё несколько секунд несется вперед по инерции, не в силах осознать, что праздник окончен. Я выждал эту волну. Пока не почувствовал спад этого давления.

– Дело в том, – начал я, намеренно растягивая слова, – Что я не был конца откровенен со службой межгалактической разведки.

Я говорил немного растягивая слова, чтоб дать достаточно времени смыслу, чтоб дойти до их затуманенного пафосом сознания. Это помогло. Последнее слово прозвучало уже в тишине. Просто в кристальной тишине. Я набрал полную грудь этого неподвижного воздуха. Отступить на этих ватных ногах было уже некуда.

– Меня пытались завербовать. Лично Фред, глава Ордена. И знаете, чем он меня пытался зацепить? Не деньгами. Не угрозами. Он... старался задеть за самое живое... Например

утверждая, что мы все живём внутри одного большого, красивого и очень дорогого... Обмана.

Я оглядел площадь. Полумрак, холодный блеск арктов на моей шее, огромные голограммы членов Совета. Идеальные декорации.

– Итак, – я начинал вживаться в эту новую роль, – Он сказал: ваш «Большой Обман» – это самый крутой голо-парк развлечений. Вы заходите туда, думая, что будете учиться, лечиться и принимать решения. А на самом деле вас просто развлекают, чтобы вы не задавали вопросов. Образование? Это не про знания. Это про выдачу документа – удостоверения, что вы прошли аттракцион и теперь допущены к другим аттракционам под названием «Карьера» и «Космоипотека». Вы не становитесь умнее. Вы становитесь удобнее. Как инструмент, который заточили под нужный болт в машине системы.

Я видел, как у голограммы председателя Тирса Мо дёрнулась бровь, – «Понравилась метафора с болтом, да? Подожди, сейчас будет и про тебя».

– Следующий аттракцион называется Космоэкономика. Как же он работает? – продолжал я, чувствуя, как сарказм возвращается, как старый, проверенный друг. – Да очень просто! Берёте обычную воду. Добавляете к ней сказку про горных эльфов, которые роняют в неё слезинки счастья. И Бам! Цена вырастает в тысячу раз! И теперь вы платите не за воду, дразня. Вы платите за то, чтобы поверить в сказку.

За то, чтобы на секунду почувствовать себя не жалким существом, которое просто хочет пить, а избранным, который пьёт слезинки эльфов! Вся экономика построена на продаже этих костылей для самоуважения. И самый дорогой среди них – тот, на котором написан бренд, который все знают. Даже если под этим брендом – просто... воздух. Буквально! Но это воздух пропущенный через фильтры, благословлённые танцами монахинь с Ледяной луны под аккомпанемент поющих кристаллов! И ты платишь! Потому что все платят! И если ты не платишь, то как бы намекаешь, что ты не ценишь... благословлённый воздух? Это же социальное самоубийство! Лучше купить, кивнуть и сделать вид, что чувствуешь разницу.

Внизу, из толпы, кто-то крикнул: «Но ведь надо поддерживать и монахинь! Как поддерживают всех людей искусства!».

Звук был таким искусственным, будто его включили кнопкой «Неодобрение, лёгкое». Но меня это лишь подстегнуло.

– А искусство! О, это же любимый трюк системы! – я даже рассмеялся, – Раньше художник творил, потому что у него внутри что-то взрывалось. Сейчас он пишет, потому что у него внутри сидит арт-дилер и шепчет: «Красный и синий в тренде, добавь больше экзистенциальной тоски, но, только сделай её безопасной! Чтобы у богатого клиента после покупки щемяще-приятно заняло в груди, но ни в коем случае

не возникло ненужных вопросов. Вопросы плохо влияют на ликвидность».

Я прошёлся взглядом по толпе внизу, выискивая хоть намёк на понимание.

– Искренность? Да её вывели из моды, как прошлогодний цвет наноплаща! Сейчас главное – упаковка, пиар и умение сделать так, чтобы критики написали: «Это радикально переосмысляет парадигму восприятия пространства-времени», а не «Похоже на технический брак в процессе нанесения полимерного покрытия». Художник сегодня – не творец. Он – стартап. А его произведения – акции, которые надо вовремя продать, пока этот надутый фальшивыми смыслами пузырь не лопнул.

Я удовлетворённо заметил, как голограмма одного из членов Совета, известного коллекционера «революционного искусства», слегка задёргалась. Я попал в цель. В его в инвестпортфель. Самое болезненное место.

– И самое чертовски коварное, что сказал этот босоногий, – я понизил голос почти до шёпота. Но усилители подхватили и разнесли этот шёпот, сделав его леденящим и проникающим, как радиация. – В этом мире каждый из нас – не личность. Мы – лишь инвестиционные портфели. Внутри нас лежат акции: «Внешность», «Образование», «Связи», «Кредитный рейтинг». Мы постоянно работаем над их ростом! Ходим в спортзал и прокачиваем акцию «Тело», ходим на тусовки и покупаем акции «Статус», выкладываем в сеть голо-

граммы и маркетим наш личный бренд. А наши настоящие, живые части – доброта, честность, способность любить или просто молча сидеть и смотреть на звёзды – знаете, как они в этом портфеле называются? «Убыточные активы». Их стараются списать. Скрыть. Потому что они не приносят дивидендов! Они не конвертируются в социальный капитал! Мешают быть эффективным, ликвидным и удобным для продажи товаром!

Тишина стала физически давить. Не просто отсутствием звука, а напряжением, которое висело в воздухе как перед ударом молнии. Аркты на моей шее горели холодным огнём. Это ожерелье было квинтэссенцией всего, о чём я говорил: я был оценён, взвешен, промаркирован и теперь стоял на этой витрине. Но, к счастью, пока не особо плотно прикрученный к полке.

– Фред не предлагал мне сменить сторону. Он предлагал мне... «объявить себя банкротом». Вывести эти «убыточные активы» – свою душу, совесть, эту дурацкую потребность в правде – и просто «перестать играть в эту игру». Стать никем. Чтобы, возможно, наконец-то стать кем-то.

Я перевёл дух. Дыхание сбилось и сердце колотилось где-то в районе горла. Ладони были ледяными и влажными. Я стоял в центре этого немого, холодного цирка, чувствуя себя полным идиотом. И в то же время – на удивление... лёгким. Как будто я только что скинул какую-то невидимую гирию, которую таскал годами.

– Так и что же Вы ему ответили? – уже подплывавший ко мне на платформе Тирс Мо ловко воспользовался возникшей паузой и задал вопрос ошутимо витавший в воздухе.

«Спасибо Тирс. Ты вовремя вывел из пике корабль, штурмом несущейся вниз и уже представляющий себя очередным кратером на поверхности».

Я улыбнулся.

– Я ничего не ответил. – я держал паузу и жалел, что в руке нет бокала. В этом месте надо было глотнуть чего-нибудь стоящего. Чтобы растянуть момент. Чтобы заставить их всех чуть подождать.

– За меня ответили плазменные кнуты, – продолжил я, – Превратившие его в пыль. А с пылью я не разговариваю.

Площадь подо мной взорвалась. Не овациями, а победным, животным рёвом. Рёвом толпы, которой только что подали кровавое, но простое и понятное решение сложной моральной дилеммы. Герой не предал! Герой уничтожил злодея! И мне пришлось опять поднять руку, чтоб чуть снять напряжение.

– Агент-Спаситель, – голос Тирса Мо уже не скрывал раздражения и недоумения, – У Вас что-то ещё?!

– Да, и теперь уже самое главное, – я старался, чтоб голос звучал небрежно.

– Похоже вы много что утаили от службы разведки. – в его голосе уже чувствовалась угроза.

Но против моей фирменной «свободы обречённого» – это

было как попытка потушить плазменное торнадо силой волевого внушения. Я стоял на краю, и ветер небытия уже свистел у меня за спиной, срывая последние оковы осторожности.

– Да, каюсь. Но в своё оправдание скажу – эта информация исключительно для Межгалактического Совета. Фред, так сказать... на прощание просил передать лично. Его последняя воля, если угодно.

– Тогда мы немедленно переходим в закрытое заседание! – засуетился Тирс Мо и голос его дрогнул, выдав панику. Он похоже уже видел куда летит этот снаряд.

– Не обязательно, – я прервал его резким, рубящим жестом, словно перерубая невидимый канат, на котором держался весь этот фарс. – Фред сказал, что Орден давно и успешно подкупил большинство членов Совета.

Я выпалил это махом, будто нажимая на большую красную кнопку с надписью «Даже не думай!».

Детонатор сработал. Время не просто остановилось – оно рассыпалось на осколки. В образовавшейся безвременной пустоте я успел спокойно выдохнуть и окинуть взглядом оцепеневшую площадь. Я видел искаженные гримасы, открытые рты, застывшие в полу-жесте конечности. Прекрасная, кристаллизованная картина вселенской глупости. А потом...

Прозвучал взрыв.

Весь предыдущий шум, весь гул и рёв, оказался лишь лёгкой разминкой для голосовых связок перед этим звуковым

апокалипсисом. Хаос, который не смогла бы поглотить даже и чёрная дыра. Когда первый вал этого цунами чуть схлынул, я поднял руку вверх. Потом приложил палец к губам. И – будто выключил звук.

Все, конечно, понимали, что хуже уже быть не может. Логика кричала об этом. Но рефлекс толпы, её животная суть, ждала продолжения. Ждала финального аккорда, который превратит хаос в новую, пусть и чудовищную, реальность. И я, не торопясь, начал писать эту реальность. Эту картину из лжи, лицемерия и предательства. Я подробно и методично, будто зачитывая обвинительный, рассказал про всё. Про передовые военные технологии, которые потоком текли прямо в лаборатории Ордена. Про ту немислимую, вызывающую роскошь, которую члены Ордена могли себе позволить благодаря своим спонсорам из Совета. Я вываливал факты и каждый был гвоздём, который я вбивал в крышку их общего политического гроба.

Для создания дополнительного драматического эффекта упомянув и про Мастера Рандли, которого мне надо было убедить последним. Я говорил размерено, но стараясь не допускать пауз, чтоб меня не прервали. И когда последний факт, последняя капля этого яда была вылита в колодец всеобщего шока, я, не дав никому перевести дух, выдал финал.

– В этой ситуации я вижу только одно решение. Совет, в своём нынешнем составе, добровольно и немедленно слагает с себя полномочия. Иницируется процедура полного до-

срочного переизбрания. А до момента проведения честных выборов... функции Совета временно и единолично, будет исполнять Мастер Рандли.

Я спокойно выдохнул. Воздух больше не дрожал. Тишина вокруг была абсолютной, тяжёлой, как свинец. Похоже, перебивать меня теперь никто не планировал. Они просто не могли. Их система дала сбой.

– Я считаю, – продолжил я, уже медленно, вдалбливая каждое слово, как гвоздь по самую шляпку в сознание всех, кто сейчас меня слышал, – Что решение должно быть принято прямо сейчас. Сию секунду. Иначе... тайные сторонники Ордена, ещё сидящие среди нас, успеют предпринять меры. Фальсифицировать данные. Уничтожить улики. Попытаться продолжить свою деятельность, но уже из тени.

Я не угрожал. Я констатировал. Говорил с холодной убежденностью хирурга, объявляющего о необходимости срочной ампутации.

Над площадью повисла тишина. Та самая, в которой слышно, как рушатся империи. Даже полоумному ежу с планеты Уё было понятно, что сейчас творилось в головах членов Совета. Противоречить моему предложению было равносильно тому, чтобы публично, перед всей галактикой, достать из кармана бланк «Я – предатель» и с гордостью его подписать. За считанные мгновения я превратил их статус в пыль, а затем предложил им самим аккуратно её подмести.

Тирс Мо всё-таки решил взять на себя миссию отчаянно-

го переговорщика. Или клоуна, который выходит на арену, когда представление провалилось, а публика уже готова начать крушить кресла.

– Да, Агент-Спаситель, – начал он и его улыбка была натянута так, что казалось вот-вот треснет, – Вы сегодня стали... подлинным центром галактики. Осью, вокруг которой завертелось всё. Мы все, – он сделал широкий жест, – Вас явно недооценивали.

Я до конца не понимал, куда он ведёт, но направление было явно в сторону глубокого и топкого болота дипломатических уловок и процедурных оттяжек. В болото, в котором меня, конечно, утопят с почестями под реквием Вселенского оркестра. Что было бы чертовски обидно после всей этой адской акробатики из которой я только что чудом вырвался, ободравшись до костей.

Поэтому я убил его попытку в зародыше. Воспользовался маленькой, хлипкой паузой, как рычагом, и окончательно перевернул весь этот праздничный стол.

– Председатель Тирс!, – громко перебил я, обращаясь при этом не к нему, а в сторону заполненной, затаившей дыхание площади. И это звучало не как просьба, а как команда. – Ставьте вопрос на голосование. Сейчас же. Давайте закончим этот фарс, пока у нас ещё есть хоть капля достоинства. Иначе...

Я добавил драматизма, понизив голос до зловещего хрипа, который всё равно унёсся усилителями на километры

площади.

– ...Иначе вся наша галактика усомнится не просто в Вашей честности. Она усомнится в Вашем желании очистить Совет от той плесени, что проела его насквозь. От самой идей Ордена Босоногих. И тогда... тогда это будет уже не Ваша отставка. Это будет ваш политический труп, который история даже не удостоит похорон.

Такого пафоса не ожидал от себя даже я. Это было грязно, топорно и абсолютно эффективно.

Площадь взорвалась в очередной раз. Но на этот раз – не ликованием, а единым, чудовищным рёвом одобрения и праведного гнева. Я не торопился поднимать руку. Напротив, я дал этой звуковой волне набрать силу, представив, как в этом море народного гнева тонут, захлёбываются и бесследно исчезают репутации, карьеры и жизни самых важных членов нашего общества.

На Тирса Мо было смотреть даже интересно. На его лицо набегали волны неконтролируемой, животной ярости. Искажались черты, глаза становились узкими щелями. И тут же эту ярость смывала официальная, дипломатическая улыбка. С каждым циклом она становилась всё более застывшей и похожей на гримасу посмертного спазма.

Насладившись этой пантомимой абсолютного бессилия, я привычным, уже почти ритуальным жестом поднял руку. И когда рёв, послушный как дрессированный зверь, начал стихать, я сделал изящный взмах в сторону Тирса Мо. Это бы-

ло похоже на жест конференсье, представляющего публике нового артиста, который только вышел на сцену и уже готовился споткнуться.

Тирс Мо медленно развернулся к голограммам Совета. К своим коллегам по кораблю, который теперь стремительно шёл ко дну. Они молчали. Все десять. Их голограммы – обычно такие выразительные, демонстрирующие мудрость или гнев, застыли. Зависли, как глючные изображения в дешёвом игровом терминале. Ни аплодисментов. Ни криков протеста. Ни вздохов. Ничего. Только тишина. Тишина звукоизолированных кабинетов, тишина частных лифтов, тишина за закрытыми дверями совещаний, где решались судьбы миров. Впервые за много лет эта тишина была выставлена на всеобщее обозрение. Тишина, в которой, кажется было слышно, как где-то далеко от этой пещеры власти тихо и равнодушно вращаются настоящие звёзды.

Конечно, они проголосовали. Единогласно. И каждый из них, в своих будто предсмертных репликах, тут же заклеил всех остальных как предателей, злодеев и исчадий ада. Которым скорее всего он сам и был. Но в этом и был самый изошрённый абсурд системы: чтобы доиграть свою роль до конца, нужно было сжечь театр, в котором ты играл.

Когда это всё наконец закончилось, я решил вернуться на

ZX. В свой единственный настоящий дом который, как выяснилось, был не кораблём, а высокотехнологичным панцирем социально неадаптированного моллюска. Но и тут меня ждал сюрприз.

Пространство вокруг корабля было забито до плотности белого карлика. Спрессованная, дышащая масса существ всех мастей, рас и размеров собралась в одну гигантскую, многоцветную, шумящую амёбу. Они заполнили каждый сантиметр, каждую плоскость. Они висели на балконах, толпились на соседних крышах, их летательные аппараты висели в воздухе, образуя многослойное, гудящее облако из желания «увидеть героя». Того, кто только что публично сверг Совет. Это был зоопарк, где клетка была одна, а звери снаружи.

Мне было противно. Противно от их восторженных морд, от их слепого ажиотажа, от того, что я стал для них зрелищем. Но где-то в глубине, под слоями цинизма, сидела жалкая, выдрессированная социальным инстинктом частица. Она шептала: «Невежливо. Они ждут. Они надеются.». И скрипя зубами от отвращения к себе самому, я открыл наружный грузовой шлюз, вышел и махнул им рукой. Не победно. Скорее, жестом «Да, я здесь, а теперь расходитесь, ради всего святого».

Мне не был нужен их рёв. Просто казалось несправедливым обрекать столько существ на бесполезное стояние в толпе в ожидании чего-то великого. Я бы, конечно, тут же уле-

тел, смылся в гиперпространство. Но посреди такой живой, пульсирующей пробки о взлёте нельзя было и мечтать.

Шлюз захлопнулся с тихим, уставшим шипением. Я прислонился спиной к холодному металлу, закрыл глаза и несколько секунд просто стоял, отгораживаясь этим куском стали от всего мира.

– ZX, – сказал я, не открывая глаз. – Шумопоглощение на полную. Максимальная изоляция. И... коктейль. Основа – Яки. И добавь туда... чего-нибудь очень дорогого. Самого дорогого, что есть в баре. Может, поможет отвлечься. Или, на худой конец, отключиться.

– Капитан, – раздался спокойный, бархатный голос корабля, – Я видел трансляцию Вашего выступления. Позвольте выразить...»

– Не позволю, – грубо перебил я его, падая в кресло. – И даже не начинай. Никаких анализов, никаких поздравлений, никаких «это было исторически важно». Я не в настроении слушать дифирамбы от искусственного интеллекта. Особенно сегодня.

В тишине каюты, внезапно ставшей глухой, как гроб, зажурчал синтезатор напитков.

– Тогда, возможно, – продолжил ZX, ничуть не смутившись, – Вам просто нужен креплённый десерт. «Пламя угасшей звезды», 75-летней выдержки. Очень... нейтрализующий эффект.

– Вот это другое дело, – я отхлебнул из бокала, уставив-

шись в потолок, где проступали трещины, похожие на карту моих прошлых решений. Которой я на самом деле и являлся. Или уже нет? Да кто их разберёт, эти трещины! Может, это карта, а может – просто потолок уже не выдерживает давления вселенской глупости, львиная доля которой исходит прямо отсюда, из моей головы. Но возможно, я – не карта, а лишь палец, который указывает на неё? А карта – это всё, что со мной случилось? Но тогда где я? И кто этот палец? И не слишком ли много философии для одного дня?

Глава 4

Глава, где мне напоминают,
что у действий есть последствия (чертовы зануды)

На несколько стандартных галактических суток я ушёл в глубокую, сугубо личную медитацию. Мой внутренний ритрит не требовал аскезы или тишины – только суровый монастырский рацион, идеально подобранный для отрешения от этого мира. Два коктейля из Яки с тоником «Туман забытья», одна порция креплёного десерта «Пламя угасшей звезды», парочка солёных закусок для иллюзии баланса и затем – плавный, бездонный провал в сон, больше похожий на аварийное отключение системы. Далее проснуться. Оценить степень разбитости. Повторить цикл.

После третьего круга я просто перестал считать. Не стоит вести скрупулёзный учёт ступеней, когда поднимаешься к

бесконечности – портит, знаете ли, всю магию. Думаю, этот рецепт отключения реальности стоит запатентовать. «Ритрит от Спасителя галактики»: нирвана через ингредиенты категории «Люкс». При нынешнем хайпе вокруг моего имени это легко могло претендовать на статус новой светской религии. «Секта Абсолютного Пофигизма». Я даже видел рекламные голоролики: «Устали от реальности? Провалитесь в неё глубже, пока она не провалится в вас! Первый урок – бесплатно». В востребованности такого учения я не сомневался ни на йоту.

Но моё глубокое погружение в суть процесса осознания тотальной бесполезности любых действий было прервано самым вопиющим, грубым и технократическим образом.

Несмотря на все блокировки, все запреты внешних контактов и личное моё желание, чтобы вся галактика наконец отвалила и умерла, прямо из центральной панели в каюте материализовалась голограмма. Не анимационная заставка, не пиксельное письмо – а полноценная, детализированная, высокополигональная голограмма Мастера Рандли. Причём в своём парадном, официальном костюме Великого Рептилоида (который, с моей же подачи, похоже, стал теперь не просто Великим, а Единолично Величайшим). Он возник без предупреждения, как диагноз, который ты не хочешь видеть.

Я сидел в кресле, не делая даже намёка на попытку подняться или выйти из своей психоделической нирваны. Моё тело было тяжёлым, как груз всех несказанных «нет», кото-

рые я накопил за всю жизнь. Он молчал. Наверное, с целью дать мне опомниться и заставить заговорить первым. Не сегодня, Рандли. Раз уж зашёл без стука, вломившись через все мои цифровые замки, то выкладывай, что нужно, или проваливай обратно в панель. Похоже, он выбрал первое.

– Приветствую Вас, Агент-Спаситель, – начал он, и его голос звучал интонацией, предназначенной для протокольных записей.

Я лишь кивнул. Даже не с целью демонстрации превосходства (какое уж тут превосходство, когда в голове гудит, как в перегретом реакторе). Просто чтобы дать понять: да, я вижу. Ты в фокусе. Говори быстрее.

Похоже, он начал считать степень моего отсутствия в реальности. Официоз в его позе слегка растаял, уступив место чему-то более... прямолинейному.

– Нам надо встретиться, – он сразу перешёл к делу, опуская ненужный политес, – Вы затеяли какую-то игру. Но Вы должны понимать – теперь в неё вовлечена вся галактика. Каждый её обитатель и каждый экономический сектор. Поэтому Вам придётся взять на себя ответственность за возможные последствия. Вы уже не можете так просто... взять и выйти из этой игры. Надеюсь, вам это понятно?

Я потянулся, чувствуя, как суставы похрустывают, протестуя против возвращения в мир причин и следствий. Да, это было очевидно. Кристально, до тошноты, очевидно. Я просто видимо бессознательно, на клеточном уровне, оттягивал

этот момент – момент, когда кто-то назовёт это «игрой» и потребует «ответственности». Как будто я, разбросав по полу все детали от часового механизма власти, могу теперь сказать: «Ой, а я не хочу его собирать обратно. Мне просто было интересно, что внутри. Соберите сами, вы же взрослые».

Но нет. Конечно же нет. Мне, в принципе, было и фиолетово, что будет происходить дальше. Если бы галактика могла рухнуть в чёрную дыру, последней моей мыслью было бы: «Ну наконец-то от меня отстали». Но с другой стороны... раз уж я стал той самой точкой опоры, из-за которой перевернулся весь этот красивый, многослойный, коррумпируемый торт, то может стоило хотя бы показать, что я делаю это не просто в угаре циничного вандализма. А чтобы посмотреть... насколько его теперь можно изящно и с известным удовольствием размазать по всей поверхности реальности.

Я посмотрел на голограмму Рандли. На его невозмутимую, чешуйчатую физиономию.

– Встретиться, – повторил я голосом, сиплым от неиспользования. – Это же... неизбежно, да? Ну что ж. Тогда давайте встретимся.

Рандли медленно кивнул, его глаза-щелки сузились на долю секунды – рептильный эквивалент заинтересованности.

– Хорошо. Будьте завтра готовы. И... Агент?»

– Да?

– Если можно, совет. Приведите себя в порядок. А то Вы выглядите как победитель, который проиграл самому себе.

Глава 5

Коктейль, ящер и неудобные смыслы

На следующий день, примерно в то же время, когда обычно начинался очередной цикл мой «ритрита», я уже стоял в шлюзе. К нему уже давно был пристыкован гравитолёт. Последней модели, разумеется. Знаете, такой, который выглядит как капля ртути, отлитая в форму абсолютного превосходства и имеет опцию «всё, о чём ты можешь только подумать и даже то о чём думать не принято».

Я, разумеется, подумал о коктейле. Моём дежурном, на основе Яки, но с самым дорогим апгрейдом, каким только могла похвастаться галактика. Чтобы он стоил... ну, как минимум, как месячный бюджет на рекламу небольшой планеты. Да, понимаю, комплекс Нерона. Но что ещё делать стоя на высоте, куда даже нормальный, неоплаченный воздух боится подниматься? Надо же чем-то компенсировать это экзистенциальное одиночество на вершине власти. Химия – наш вечный и надёжный союзник.

Поездка прошла незаметно, в коконе искусственной тяжести и звукового вакуума. По стерильным, безликим коридорам здания Совета, напоминавшее скорее город, гравитолёт доставил меня к сектору, который занимал Мастер Рандли. Удобно. Я прошёл силовой экран, почувствовав на миг лёгкое покалывание на коже – сканирование на пред-

мет оружия, средств записи, а возможно и дурных намерений. Осмотрелся. Раньше я не бывал на планетах, населённых рептилоидами. Оказалось, зря – у них есть стиль. Вокруг были джунгли. Ну, то есть, конечно, частично голографические. Но отличить их от настоящих, естественно, было невозможно. Воздух пах влажной землёй, гниющими листьями и чем-то электрическим, что выдавало искусственное происхождение. Огромное тело Рандли располагалось в подобии кресла из переплетённых живых ветвей, которые росли и вились прямо вокруг него, будто верные слуги. Он был похож на древнего ящера, которого какой-то гигантский ребёнок усадил в сумку из лиан.

Я сделал обычное приветствие, которому меня научил имплант за пять минут до прибытия: поднял две руки вверх (символизируя открытость), затем собрал их вместе у груди (символизируя... ну, что-то вроде единства намерений). Он повторил то же самое своими массивными передними лапами. Движение было плавным, отработанным, и от этого слегка жутковатым.

– Располагайтесь, где удобно, – перевёл мой имплант бархатным голосом рычание Рандли. – Коктейль из Яки с экстрактом нектара из Туманности Плача, Вам сейчас принесут.

– Спасибо, – пробормотал я, присев на низкую, толстую ветку ближайшего дерева. Она тут же с тихим шипением трансформировалась, обняв мои бока и приняв форму идеального кресла-капсулы, в котором я невольно занял полуле-

жачее положение. Удобно. Слишком удобно. Как будто тебя готовят к долгой поездке в конкретное место о котором тебе пока ещё знать рано.

– Я пригласил Вас, – начал Мастер Рандли, похоже, уже не пытаясь использовать двусмысленные паузы для психологического давления. – Чтобы обсудить дальнейшую политику нашей галактики.

Вот так запросто! «Политику галактики». Без предисловий, без «Как Вы думаете?» или «У нас небольшая проблемка». Меня это даже как-то взбодрило. Всё-таки не каждый день тебе предлагают обсудить судьбы триллионов разумных существ, полулёжа в кресле из умного дерева. На всякий случай я решил занять выжидательную позицию. Тем более, что андроид-служитель с бокалом, в котором переливалась жидкость цвета межзвёздного мрака, уже стоял рядом. Я сделал вид, что меня сейчас больше интересует не мой новый статус оплота цивилизации, а соотношение ингредиентов в коктейле. Оно было... неплохим. ZX, конечно, знал мои предпочтения лучше. Но здесь, похоже, решили блеснуть не тонкостью, а стоимостью содержимого.

Из этих приземлённых размышлений меня выдернул голос рептилоида, звучавший уже чуть резче.

– И для начала я хотел бы определиться с нашими отношениями.

«Наши отношения?! – встрепенулся мой внутренний циник, чуть не поперхнувшись коктейлем. – Мне что, придётся

ему сказать, что я женат и не могу нарушить священные узы моего брака? Или что хоть я и свободный агент, но не ищу серьёзных обязательств среди представителей его вида?».

– Чтобы Вы правильно понимали, – продолжал он, и в его безэмоциональном голосе на импланте, всё же проскользнула стальная нотка. – Не знаю, в какую игру Вы играете, но мы с Вами – не союзники. И если Вы думаете, что я сейчас буду рассыпаться в благодарностях за то, что вы разогнали Совет, то Вы сильно ошибаетесь.

Я вздохнул, не скрывая раздражения. Отрицание того, что я ещё даже не успел подумать, было явным доказательством, что именно эта мысль уже проросла в его расчётливых рептильных извилинах корнями паранойи.

Но в свою игру я его действительно не приглашал. А участие в его игре – в этой тихой рептильной возне с властью – интересовало меня ещё меньше. Но судя по паузе, мне надо было хоть что-то сказать. Издать хоть какой-то звук, подтверждающий, что он выиграл у коктейля битву за моё внимание.

– Я надеюсь, что понимаю о чём Вы говорите, – начал я, выбирая стиль жёсткой, но вежливой дипломатии. – Но для начала я хотел бы понять, что конкретно Вы мне предлагаете? – я решил вернуть ему кручёный мяч, хоть и не сомневался, что он отобьёт его с лёгкостью теннисного автомата. Всё-таки это игроки высшей лиги власти. Они уже рождаются с ракеткой в лапе.

– Я предлагаю Вам нейтралитет, – тут же ответил Рандли.
– Вы окучиваете средства массовой информации и продолжаете это... фееричное восхождение к статусу современного идеала. А я просто занимаюсь своей работой. Которой в отсутствие Совета, должен заметить, у меня значительно прибавилось. Как Вам такое предложение?

«Да ты ладно! – пронеслось в голове. – Гениально. Забираешь весь торт, всю кухню и даже пекаря, а мне великодушно разрешаешь украшать его сверху глазурью для новостей и потом лизать пальцы в прямом эфире. И при этом делаешь вид, что оказываешь мне услугу?!».

Но внешне я лишь прищурился. Коктейль окончательно перестал быть интересным.

– Похоже на сделку по разделу сфер влияния, – сказал я наконец, сфокусировав взгляд на его жёлтых, вертикальных зрачках. Мои мысли выстраивались в чёткие, боевые ряды. – А мне казалось, что все мастера подобных сделок недавно... подали в отставку. Или не все, Мастер Рандли?

Тишина в джунглях стала вдруг очень плотной. Даже кажется виртуальные птицы перестали щебетать. Может он и предлагал что-то стоящее, но для начала его немного следовало опустить до моего уровня. Подниматься до его – в смысле, до этой заоблачной высоты холодной рептильной расчётливости, я конечно и не собирался. Это как играть в игру с ИИ: бесполезно. А вот если спустить его в мой грязный, запыленный космобар реальности, где правил нет, а фигуры

заменяют окурки и пустые стаканы – там уже можно было хоть на что-то надеяться.

– Вы, похоже, много себе позволяете, – он наконец перешёл в открытую атаку, отбросив намёки. – Я теперь обладаю полной властью. И, несмотря на Вашу... популярность, я могу легко стереть Вас в порошок. Так что либо Вы начинаете быть сговорчивее, либо нам больше не о чем разговаривать!

Я наконец почувствовал себя в знакомой обстановке. Ах, вот он, родной запах! Не этот синтетический аромат джунглей, а пряный, терпкий дух откровенной угрозы. Когда происходит то, что происходит: тебе прямо говорят, что сейчас раздавят. И не надо больше пытаться домысливать всю эту политическую риторику, словно разгадывая ребус нарисованный из тумана. Тут мы уже были практически на равных: он – с властью уничтожить, я – с абсолютным нежеланием быть уничтоженным. Вполне рабочий баланс.

Я сделал неторопливый жест андроиду повторить коктейль и удобнее устроился в ветке-кресле, которое тут же подстроилось под мою позу «циничного слушателя». Разговор намечался интересный. Похоже, придётся потратить время на ещё один коктейль.

– Наверное Вы меня просто не так поняли, – сказал я с чуть примирительной, ноткой. – Я невольно оказался втянут в политику, но я тут человек новый и не знаю правил игры. Поэтому был бы очень признателен, если бы Вы научили меня хотя бы её основам. Тогда я пойму точнее своё ме-

сто в этой... картине. Соответственно, дальше станет ясно насколько мне вообще нужна эта роль.

Зрачки рептилоида чуть сузились. Несмотря на его грубый, первобытный вид, его IQ был одним из самых высоких в галактике. А в Совете уж точно он был вне конкуренции. Он не пытался понять, что я скажу дальше. Он уже представлял, как итог этого разговора отразится на графиках, прогнозах и стратегических картах на годы вперёд. Я был для него не собеседником, а живой переменной в сложном уравнении власти. Это конечно немного льстит, когда к тебе относятся с таким... математическим уважением.

– Я с удовольствием Вам помогу, – прорычал он, сделав лапой короткий, отмахивающийся жест. Похоже, поставил режим «не беспокоить» или отменил очередную встречу с каким-нибудь посланцем звёздной системы. – Что конкретно Вас интересует?

– Для начала я хотел бы понять сам механизм, которым пользуется власть, – начал я, делая вид, что подбираю слова. – А точнее, как этот механизм реализован? Ведь власть, по идее, должна обеспечивать прогресс. И в первую очередь социальный и личный. А основой этого должно быть... рост осознания реальности. И отход от иллюзий. Ведь иллюзии отравляют все усилия, делая их в конечном итоге вредными.

В глазах Рандли, кажется, промелькнул интерес. Не человеческий, конечно. Скорее, интерес хищника, который услышал, как потенциальная добыча заговорила на неожиданно

сложном языке.

– Тогда для начала давайте определимся, что Вы называете иллюзиями? – прозвучало на импланте.

– Да, конечно, – кивнул я, настаиваясь на его волну. – Я считаю, что это, в своей сути, ложь и заблуждения, которые загрязняют представление о естественном мире.

– Например?

– Например... то, что больших результатов можно достичь без серьёзных усилий. Что жажда власти может идти рядом с отрицанием собственного «эго». Или что методы массового внушения совместимы с независимостью мысли.

По сути, я только что перечислил три столпа, на которых держался Межгалактический Совет. Приятно было смотреть, как чешуя Рандли непроизвольно дёрнулась.

– Не могу не согласиться с председателем Совета... то есть уже бывшим, – вставил Мастер Рандли с тихим, едва уловимым шипением. – Мы Вас действительно недооценивали. Постараюсь не допустить его ошибку.

Комплимент от самого непокладистого и замкнутого члена бывшего Совета отдавал такой двусмысленностью, что больше походил на предупреждение от следователя разведки прямо перед тем, как перейти к аргументам следующего уровня. Типа: «Мы Вас действительно недооценивали. И теперь, чтобы это исправить, будем ломать Вам кости. Аккуратно, но долго».

Я лишь вежливо склонил голову, принимая эту... похва-

лу.

– Хорошо. В целом Вы рассуждаете здраво, – продолжил Рандли. – Но Вы должны привыкать, что в политике нет отдельных цветов. Особенно белого и чёрного. И, кроме того, всё здесь имеет свою изнанку.

«Ах, изнанка, – подумал я. – Великое слово. Оно позволяет оправдать всё что угодно. Вроде: «Да, на лицевой стороне это выглядит как геноцид, но если вы посмотрите на изнанку, то увидите там сложную геополитическую необходимость, оформленную в виде изящного узора из человеческих костей».

Он продолжил, его голос приобрёл эти лекторские, почти отеческие нотки... опасные нотки.

– Например, категория общества «реалисты» считают, что цель – это стремиться к добру и хотят лишь хорошего... но они полны иллюзий. Коротко говоря, глупцы. Ведь те, кто питает отвращение к насилию, ненависти и эгоизму, слишком наивны. Убеждение в природной доброте каждого – основа их веры. Но она не настолько сильна, чтобы верить в возможности человека, не закрывая глаза на уродство и греховность отдельных людей и групп. Любое разочарование убедит их в том, что они были неправы и приведёт к депрессии, так как они не будут знать, во что дальше верить.

Я слушал и чувствовал, как мой хронический цинизм встречается с его, выдержанным в дубовых бочках власти безнаказанностью. Получалось, что мы говорили об одном и

том же – об абсурде. Но мой абсурд был вопросом без ответа. Его же абсурд был ответом, который отменял сам вопрос. Он не просто рассказывал мне о политике. Он мягко, но неумолимо подводил меня к краю пропасти под названием «А что, если все мы правы, а ты – просто наивный идиот?». И самое гадкое было то, что в его словах была чудовищная и неудобная доля правды.

Я отпил коктейль. Но этот предатель больше не хотел мне помогать.

– Тем не менее, вера в жизнь, – сказал я, цепляясь за свою мысль как за якорь в этом шторме из слов, – В самого себя и в других, должна быть построена на твёрдой основе реализма. На способности видеть зло везде, где оно есть. Видеть мошенничество, разрушительность и эгоизм не только там, где они очевидны, но и под масками. Вера, любовь и надежда должны идти рядом со страстью видеть реальность во всей её... неприглядной наготе. Настолько, что посторонний назовёт это «цинизмом». Но цинизм – это когда мы лишь протестуем против сладкой лжи. А то, о чём я говорю, – это бескомпромиссная критика. Принципиальный отказ играть по правилам системы обмана. И, кстати, настоящие духовные лидеры галактики не были мягкотелыми. Напротив, – продолжил я, вдохновляясь, – Они были убеждёнными реалистами. И большинство из них казнили или оклеветали не за проповедование добра, а за то, что они говорили правду. Они не уважали власть, титулы или славу. Они знали, что

король голый. И они хорошо понимали, что власть может их убить.

– Вы опять оперируете терминами, которые для нас обоим явно имеют разное значение, – прервал меня Рандли. – Ваш термин «Правда» – это что именно?

Вот же дерьмо гравитационное. Опять этот старый трюк: «Давайте сначала определимся с понятиями». Это как если бы во время драки противник остановился и сказал: «А что, собственно, мы подразумеваем под словом «удар»?».

Видя мою заминку, он продолжил, не давая опомниться. Его голос приобрёл плавные, почти гипнотические нотки.

– Но действительно ли это так важно? Нужна ли нам эта гипотетическая правда? Или есть другая причина хотеть жить? Отказались бы мы от жизни, если бы таких причин не было? Все живые существа, сознательные или нет, хотят жить. Сама природа наделила каждого этим желанием. То, что мы хотим жить, что нам нравится жить, – это факт, не требующий объяснений. Но если спросить: «Как мы хотим жить, чего мы хотим от жизни...?» Тогда мы получим тысячу разных ответов. Любовь, власть, безопасность, удовольствия, слава... Большинство, пожалуй, скажет: «Счастье».

«О, великое галактическое «счастье». – не могло не встрять моё альтерэго, – Универсальный ответ, который ничего не значит. Это как сказать «я хочу еды». Отлично, но бутерброд это или фуа-гра, жареный космокрыс или салат из астероидного мха? «Счастье» без подробностей – просто

красивая пустышка, которую можно набить чем угодно. И он это прекрасно знает».

– Многие философы тоже считают счастье смыслом бытия, – вёл свою линию Мастер Рандли. – Но если счастье охватывает взаимоисключающие понятия, термин становится абстрактным и бесполезным. Поэтому важно определить, что означает «счастье» начиная от обычного существа... и для тех, кто отвечает за состояние общества.

«Эк ты отделил себя от зрительного зала!» – вспыхнул мой внутренний цензор, чуть не подавившись коктейлем. – Ну да, конечно. Как можно сравнивать скромное счастье земледельца, который радуется, что дождь прошёл вовремя, с твоим исполинским, галактическим «счастьем»? Ты, титан, держащий на своих тощих плечах бремя целой цивилизации! Ты, страдалец за правду, которому подают коктейли в джунглях из умного дерева! Да у тебя даже мозоли другие – метафизические!»

Мне стало физически тошно от этого потока демагогии. Он вёл в трясину философского словоблудия, где можно было утонуть навсегда, так и не коснувшись дна простых но неприятных фактов. Нужно было срочно вернуть его в хоть какие-то вменяемые берега логики. Я поймал его небольшую, едва заметную паузу для расстановки новых ловушек – и вклинился.

– Если отбросить шелуху, среди всех концепций счастья есть одна, которую понимает даже ребёнок: мы счастливы,

когда получаем то, чего хотим. Но вопрос в другом: а чего, чёрт побери, мы хотим на самом деле? Какие наши «хотелки», будучи удовлетворёнными, приносят не просто минутный кайф, а то самое пресловутое «счастье»? Где тут содержимое, а где упаковка? Потому что галактика научилась продавать нам блестящую обёртку с надписью «Счастье», а внутри – просроченный воздух!

Рандли заёрзал в своём кресле из лиан. Не от дискомфорта. От нетерпения. Он явно ждал, когда я закончу, чтобы подсунуть свой заранее заготовленный козырь. Он поймал мою мысль на взлёте и, не дав ей набрать высоту, сбил.

– Но в этом определении счастья, – вставил он и его голос приобрёл оттенок профессора, разоблачающего первокурсника, – Кроется фундаментальная слабость. Игнорируется вопрос об источнике потребности. Имеет ли она, подобно голоду, чистый физиологический источник? Или это уже изошрённая потребность в утончённой еде, навязанная культурой? А может это потребность социально сконструированная – в алкоголе, чтобы расслабиться; в новом космолёте, чтобы поддерживать статус или в бесконечных технических безделушках, чтобы заполнить экзистенциальную пустоту? Или, что ещё интереснее потребность патологическая? Как, скажем, при садизме... или мазохизме?

«Класс! – вклинился мой цинк, – Блестящий способ натянуть чучело правды на глобус галактики. Он только что мастерски, одним росчерком когтя, объединил мою текущую

жажду коктейля, смутное желание новенького космолёта и мою явную, клиническую склонность к мазохизму (раз я всё ещё тут сижу и слушаю эту ахинею), в одну аккуратную папку с грифом «Социально навязанные патологические потребности». И подал это не как оскорбление, а как глубоко-мысленное уточнение. Это не спор. Это – диагностика. И диагноз, который он мне ставит, звучит как «удобный для системы носитель новых идей, чьи базовые импульсы можно легко дискредитировать». Bravo, доктор!».

Я не стал спорить с его классификацией. Спорить с тем, кто только что назвал твоё существование совокупностью изъянов, – значит признать правомерность самой системы оценок. Вместо этого я просто немного откинулся в странном кресле, давая понять, что удар принят, но он далеко не смертельный.

– Ну, да, – неторопясь подхватил я, делая глоток, чтобы немного притушить им свой сарказм. – Поэтому потребность ломать чужие жизни или травить себя всякой... гадостью обычно не считают легитимной. Даже если в конкретный момент это приносит кайф. Но есть и другая позиция.

Я поставил бокал с тихим, но чётким стуком о подлокотник-ветку.

– Вопрос не в том «Хочу я этого или нет?», а в том, «Способствует ли это моему развитию или наоборот?». Только исполнение желаний в интересах сути человека ведёт к настоящему счастью. В первом случае лозунг простой: «Я счаст-

лив, если получаю всё, что захочу». Во втором посложнее: «Я счастлив, если получаю то, что должен хотеть для оптимальной самореализации».

Я вывалил всю эту чушь про «должен хотеть» существу, чья самореализация похоже измерялась в тоннах оказываемого давления и квадратных световых годах контролируемого пространства. Идеально.

– Ваше утверждение, – прорычал рептилоид, и его голос потерял последние следы лекторского спокойствия, – Недопустимо с точки зрения общепринятой научной мысли. Оно вводит норму. Оценочный и субъективный критерий. И тем самым лишает весь анализ объективности, превращая его в морализаторство.

Он произнёс слово «морализаторство» с таким презрением, будто это название редкой и неприятной болезни.

Адреналин – старый, верный друг, вдруг пробил толщу алкогольного тумана и ударил в виски холодной, ясной волной. Ладонь, сжимавшая бокал, стала влажной: «Так что, значит, объективность – это священная корова, да? Ну что ж, тогда давайте её резать»

– Тогда возникает встречный вопрос, – парировал я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидал. – А правда ли, что само понятие «норма» объективно?

Я выдержал паузу, давая вопросу повиснуть в густом воздухе джунглей, а затем продолжил.

– И разве объективно определяемая природа любого жи-

вого существа – от амёбы до... ну, до нас с Вами – не ведёт к одной и той же базовой цели? А именно к наиболее полному раскрытию своего потенциала? Разве из этого не вытекает, что одни модели поведения, одни «нормы» этому способствуют, а другие вредят?

Я посмотрел прямо на него, уже не пытаюсь казаться просто любопытствующим дилетантом и продолжил.

– Вы же не станете утверждать, что болезнь – это просто «альтернативный вариант здоровья»? Это же абсурд. Так почему с разумом, с обществом, с тем, что делает нас нами, должно быть иначе? Почему патологию власти, патологию жадности или патологию саморазрушения мы обязаны рассматривать как «равноправные субъективные выборы», а не как то, чем они действительно являются – сломанными механизмами, которые портят жизнь своему носителю и всем вокруг?

Я сделал паузу, глядя на его непроницаемую, чешуйчатую морду, в которой читалось только вечное равнодушие хищника, и продолжил, доводя мысль до логического – и для него, возможно, оскорбительного, конца.

– Те, кто так яростно защищает «субъективность» счастья, никогда не применяют эту логику к медицине. Послушайте, если у пациента пристрастие к тому, что методично разрушает его печень, лёгкие или мозг, ни один уважающий себя врач не разведёт лапками и не скажет: «Ну что ж, если курение, наркотики и пожирание сахара – его высшее

счастье, то пусть наслаждается, мы же не моралисты!» Нет. Его признают больным. Его потребность назовут патологией. Потому что она объективно вредит организму. И это не считается «ненаучным»! Это считается очевидным! Потому что между здоровьем и болезнью есть объективная, измеримая разница.

Я аж подался вперёд, будто через стол в баре, а не через пропасть философских дебрей. Меня уже было не остановить.

– Так скажите мне, Мастер Рандли, в чём принципиальная разница, когда дело касается не печени, а психики? Не лёгких, а общества? Почему разрушительную жажду власти, патологическую жадность или мазохистское стремление к подчинению мы должны обряжать в тогу «личного выбора» и «субъективного счастья», а не называть тем, чем они являются – симптомами социальной и психической болезни, которая калечит и носителя, и всех, кто рядом?

Я выдохнул, окончательно опустошённый. Запас слов, идей и даже сарказма был исчерпан. Осталась только усталость и пульсирующая в висках мысль: «Ну вот, ты блеснул. А теперь-то что?»

Я ждал ответной тирады. Логического взрыва, холодного гнева, презрительного шипения – чего угодно, что вернуло бы нас в знакомые рамки спора.

Но Рандли молчал. И не просто молчал – он замер. Его огромное тело в кресле из лиан даже не шелохнулось. Толь-

ко жёлтые, вертикальные зрачки были прикованы ко мне с такой интенсивностью, что стало физически тепло. Он меня не слушал. Он меня взвешивал. Оценивал не как оппонента в дискуссии, а как явление. Как непредвиденную переменную, сбой в алгоритме, погодную аномалию, которая может одинаково вероятно принести живительный дождь или сокрушительный потоп. В его взгляде не было ни гнева, ни одобрения. Был лишь холодный расчёт.

– Да, – наконец произнёс он. Рычание было низким, как отдалённый гром. Но в нём впервые за весь разговор прозвучала нота, которую мой имплант воспроизвёл как... уважение. Только холодное, как космический вакуум. Но уважение.

– Вы, похоже, крепкая кость. – прервал он молчание, – Которую не проглотить... и не вытащить. Так чего же Вы добиваетесь?

Вопрос, простой и прямой, но застал меня врасплох. Я даже смутился. Почувствовал, как жар прошёлся по щекам.

«Блестяще. Абсолютный триумф логики. – весело заметил внутренний ведущий, – Ты провёл блестящую операцию по защите своего эго, забыв есть ли у этого эго вообще какие-то планы на будущее, кроме «не выглядеть тупым сейчас». Ты не игрок. Ты – живой щит для собственного самолюбия».

– Да ничего, толком, – лишь смог выдавить я, беспомощно пожимая плечами. Жест вышел каким-то по-детски неук-

люжим. – Просто Вы заняли чёткую позицию... а я, похоже, рефлекторно занял противоположную. Армейские навыки, знаете ли. Если на тебя наступают – контратакуй. Даже если не очень понимаешь, зачем.

Я замолчал, чувствуя себя полным идиотом. Герой, только что произнёсший пламенную речь о болезнях общества, признался, что спорил просто из духа детского противоречия. Великолепно. Идеальный финал.

– Ну да, – он прорычал с почти осязаемым сомнением.

Я буквально слышал, как скрипят шестерёнки в его репительном мозгу: «Никто не бывает настолько бесцельным. Значит цель так хорошо скрыта, что даже он сам её не видит. Опасно.»

– Думаю, для первого знакомства нам должно хватить этой... беседы. Тем более, что, – он сделал лёгкий жест лапой, и где-то в глубине джунглей-голограмм что-то тихо щёлкнуло, – Нас уже давно ждут на брифинге. Нужно же хоть как-то обозначить, в какую сторону двинется галактика в ближайшие несколько лет.

– Несколько лет?! – вырвалось у меня, и я услышал в собственном голосе нотку наивного ужаса. Я был в шоке. В моей голове этот сценарий выглядел как быстрая, пусть и кровавая, операция: старый Совет – в утиль, выборы, через месяц – новые лица за теми же голограммами. Неприятно, но быстро. – Я думал, – пробормотал я, – Новый Совет выберут гораздо скорее. Через месяц-другой.

– Ах, Вы думали... – протянул Рандли, и в его голосе была такая ирония, что что ею можно было резать титановые сплавы. – Нет, агент. Всё не так просто. Особенно после того, как Вы публично скомпрометировали Совет практически в полном составе. Теперь любая ускоренная процедура будет выглядеть как попытка протащить туда таких же. Так что в этот раз это будет очень долгий и очень дорогой процесс. И, кстати, – он наклонил массивную голову и его зрачки сузились до щелочек, – Готовьтесь. Многие кандидаты захотят заручиться Вашей поддержкой. Вы же у нас теперь... «Голос Космической Истины», – произнёс он с бутафорской почти-тельностью, – Бренд, так сказать, который мы все будем долго и дружно раскручивать.

От осознания его слов меня накрыла волна чистейшей, неразбавленной тревоги. «Голос Космической Истины». Звучало как название дешёвого голо-сериала или особенно пафосного сорта энергетического напитка. Меня чуть не стошнило прямо в коктейль.

Рептилоид поднялся медленно, с древней, неспешной грацией. Живые ветви-кресла с тихим, покорным шелестом разомкнулись, освобождая его. Джунгли вокруг замерли, будто затаив дыхание.

– Ладно, пора. Руководители межгалактических информационных служб уже достаточно ждали на внешнем инфотерминале. Ещё немного – и их нетерпение создаст ненужное... напряжение в соцсетях. Вы же не хотите, чтобы галак-

тика начала подозревать, что мы тут, в уютных виртуальных зарослях, договариваемся о чём-то... без её ведома?

Он выдал несколько похрюкиваний, похоже заменявших ему смех.

Я поднялся. Ноги были ватными, но держали. Игра, которая только что казалась высокоинтеллектуальным фехтованием на идеях, внезапно сбросила маску. Она не закончилась. Она даже не была вничью. Она просто сменила поле. С тихих джунглей кабинета – на освещённую софитами арену всеобщего внимания, где каждое моё слово будут разбирать на молекулы, а каждую паузу – интерпретировать как знак свыше. Я из оппозиционера-одиночки, разгромившего систему, превратился в её самый передовой актив. Икону, которую нужно одновременно и выставлять на показ, и тщательно контролировать.

Рандли уже двигался к выходу и его огромная тень скользила по голографическим лианам. Я посмотрел на свой пустой бокал, где на дне осталась лишь тёмная капля, стоявшая, наверное, как месячная зарплата пилота-дальнобойщика. «Голос Космической Истины», – повторил мой внутренний критик, – Ждите скоро мой личный кризис в формате подписки. Всего за несколько кредитов в месяц вы сможете получить доступ к моим самым тревожным мыслям о бессмысленности всего сущего».

Голос космической истины и бутылка с запиской

Я плыл в гравитолёте, пытаюсь настроиться на предстоящее препарирование моей личности в прямом эфире. Но мой мозг, эта предательская сволочь, вместо того чтобы собрать остатки когнитивных функций, устроил мне приватный показ слайд-шоу под заголовком: «Голос космической истины: Старт продаж» Слайды были шедеврами рекламного безумия. Первый: моё лицо, уставшее и небритое, с логотипом «Искренность™». Второй: график роста упоминаний в сетях с тегом #СпасительПрав. Третий: примеры будущего мерча – кружка «Утро начинается с экзистенциального кризиса». Я пытался закрыть внутренние глаза, но презентация шла в автономном режиме. Мой разум превратился в отдел маркетинга, который продавал меня мне же и за мой счёт.

Дверь гравитолёта беззвучно отъехала. И тут я обнаружил себя не на пороге зала и даже не перед его дверью. Я уже был в самом эпицентре шоу. На огромной, сияющей как новенький гроб, сцене. С состоянием «панический туман» в голове. В ушах бушевал шторм аплодисментов – ровный и искусственный, как шум кондиционера в мавзолее. Я недоуменно озирался, будто выпал не на той планете. Первое впечатление было кристально ясным: «Я на операционном столе. Софиты – это хирургические лампы, ослепляющие и беспощадные. Они просвечивали меня насквозь, выявляя каждый дефект и главный из них – некомпетентность. Состоя-

ние, в общем-то, обычное для моих публичных выходов, но в этот раз я реально напрягся. Потому что на этот раз от меня ждали не просто речи. Ждали «перфоманса подлинности». А как сыграть самого себя, когда ты сам себе уже не веришь?

Постепенно резкость в глазах наладилась, вырисовывая обстановку. Сцена была похожа на пустынную планету. И посреди неё – два острова-кресла. Одно, побольше раз этак в десять и с явными чертами трона, уже было занято. В нём, как древний идол, уже восседал Мастер Рандли.

«Наверное торопился, боясь, что у меня хватит наглости сесть туда первым», – мелькнула мысль.

Второе кресло стояло неподалёку. Скромное, человеческих размеров. Стул для приглашённой звезды. Или подсудимого.

Я помахал рукой в сторону рёва – жест, который должен был означать: «И я безумно рад вас всех видеть, а теперь можете прекратить этот душераздирающий звук». Потом уселся с состоянием обречённого мешка с костями, который вот-вот выставят на аукцион.

Расстояние до первого ряда зрителей было метров десять. Но казалось, нас разделяли парсеки космоса, заполненные вакуумом непонимания. И за этим вакуумом были они. Не существа. Не журналисты. Акулы. Но акулы особой породы – те, что почуяли не кровь, а самый настоящий политический взрывчатый гель. Они будут ждать. Они могут ждать вечность, питаясь крохами слухов и собственными домысла-

ми. Их не смутит ни шумопоглощение, ни закрытый шлюз, ни прямой приказ «соблюдать дистанцию». Потому что их миссия священна: получить кусочек меня. Не тело – контент. Цитату. Кадр. Любой звук из моих уст, который можно раздуть в заголовок размером с астероид: «Спаситель в уединении: Триумф или раскаяние?» или «Он молчит, но что скрывает наш «Голос Истины?»».

Я перевёл взгляд на Рандли. Он сидел неподвижно, его чешуйчатый профиль был обращён к залу. Он даже не видел меня. Он наблюдал за реакцией хищников на только что брошенную в воду наживку. Меня.

Тишина, наступившая после затихших аплодисментов, была густой, липкой и абсолютно искусственной. Из этого болота из паники, софитов и полного отсутствия мыслей меня выдернул голос на импланте.

– Для начала Вам надо знать один приём, – сказал Рандли. – Все они будут стараться задать свой вопрос. Но Вам будет показано, на кого именно обратить внимание.

«А, понятно. Демократия в действии. Не «свобода», а «управляемый выбор». Не журналисты, а статисты с заранее выданными инструкциями».

В этот же момент перед моими глазами возникло словно бы ещё одно, уменьшенное и схематичное изображение зала. На нём ярко-зелёная стрелочка-прицел уже наводился на конкретное место. Место, с которого мне должны были задать «правильный» вопрос.

– Вам всё понятно? – спросил голос. В интонации сквозило сомнение в моей способности понять даже это.

– Да, понятно, – пробормотал я почти беззвучно.

Напряжение чуть спало. Хоть какая-то определённая. Пусть и унижительная.

– Хорошо. Смотрите внимательно, – продолжил он, и голос стал жёстче. – Будете самовольничать и Вас разорвут в два счёта. Зададут двусмысленный вопрос, на который Вы, растерявшись, дадите невнятный ответ. Дальше – несколько домыслов, пара уток в информсетях и через час Вам уже припишут всё что угодно. От тайного романа с андроидом до планов по восстановлению монархии. И, – он сделал едва уловимую, но весомую паузу, – Давайте лучше без этих... поисков правды, как в моём кабинете. Поверьте, Вам же будет лучше.

«Поверьте» – прекрасное слово в устах того, кому ты верить и мысли не допускаешь. Это не совет. Это – ультиматум в шёлковой перчатке. «Играй по нашим правилам и мы дадим тебе погладить голодных псов общественного мнения».

– Спасибо, – выдавил я. Похоже, он действительно был во мне заинтересован. Не как в человеке, а как в дорогом, хрупком и крайне взрывоопасном активе, который нужно уберечь от самоподрыва. Я даже почувствовал какую-то чёрную, липкую благодарность. Бррр, как же противно...

Мастер Рандли поднялся со своего трона. Хвала всем космическим богам, открытие этого мероприятия он взял на се-

бя. Следующие пять минут я слушал, как он, не повышая голоса, производит на свет идеально откалиброванный словесный шум. О «гуманистических принципах на всех уровнях власти». О том, что мой «гражданский подвиг» обнажил «уязвимость системы перед хаосом и корыстью».

Идеальная, стерильная речь. Ни одной живой мысли, ни одного искреннего слова. Чистый продукт синтезатора информационной пыли, собранной с пластиковых цветов официальной риторики. Слушать это было все равно, что наблюдать как очень дорогой 3D-принтер печатает воздух. Но я был ему благодарен. Это дало мне передышку. Пять минут, чтобы собрать хоть какие-то осколки личности в подобие целого. Я даже позволил себе рассеянным взглядом пробежаться по первым рядам в надежде увидеть что-то человеческое. И нашёл. Того, кого ожидал увидеть здесь меньше всего. Эллия! Она сидела во втором ряду с отсутствующим видом. Или это показалось? Я присмотрелся, заставив глаза сфокусироваться. Если бы я раньше её не знал то мог бы с лёгкостью проскочить мимо. На ней был надет весь этот безупречный, дорогой камуфляж от кутюр: платье цвета космической пыли, незаметные, но убийственно дорогие украшения. Всё это делал её абсолютно похожей на всех богато одетых женщин. Как часть декора. Но это была лучшая маскировка из возможных.

Наши глаза встретились. В этом море отполированных, ничего не выражающих лиц её взгляд был живым. Он был...

разумным. Она чуть заметно, только для меня, приподняла указательный палец, лежавший на колене. Не настолько, чтобы это заметили другие. Но, чтобы я понял: это не мираж. Это действительно она.

Неожиданный, острый как лезвие фрагмент реальности наконец ввёл меня в рабочее состояние. И всё остальное отошло на второй план. Появилась моя переменная. Неучтённая, но живая и опасная. Некое ожидание неожиданности, будто нападения со всех сторон сразу на фоне чистой адреналиновой ясности. Я расправил плечи, выпрямляясь в кресле. Туман в голове рассеялся, сменившись холодной концентрацией. Ну что ж. Теперь можно и в бой. Тем более, что мой «напарник» по этой комедии уже заканчивал свою речь и с достоинством опускался в своё кресло-трон. Что ж, мой спектакль начинается.

Я решил не заморачиваться на прелюдии. Зачем лить воду, когда все хотят крови? Под звуки последних, протокольных аплодисментов я повернулся к микрофону, который уже требовательно завис передо мной, словно хищная муха.

– Приветствую всех, – сказал я размеренно, – Итак... может у кого-нибудь есть вопросы?

По залу прошла волна смешков. От желания задать вопросы тут, похоже, скоро бы и крыша поднялась. Вверх взметнулся лес конечностей – щупалец, лап, рук, манипуляторов. Это выглядело как внезапный, судорожный всплеск роста в каком-то безумном саду. Я сделал вид, что глубоко

озадачен, даже слегка отклонился назад, будто меня отбросило этой волной энтузиазма.

– Извините, – начал я, поднимая руки в умиротворяющем жесте. – Но я, наверное, пока не готов удовлетворить... аппетита всех присутствующих. Так что выберу наугад.

Я выдержал паузу, как профессиональный аферист перед тем, как назвать «случайного» победителя лотереи. Внутри черепа, на виртуальном экране, уже мигала цель – ряд и место.

– Например... по дате рождения одного из моих домашних питомцев. Итак... – ещё пауза, для драматизма, – Ряд сто восемьдесят два. Место двадцать.

Где-то в задних, «бюджетных» секторах поднялось существо. Голографический проектор тут же выхватил его, увеличив раз в пять, чтоб его все видели. Судя по мгновенно возникшей на импланте справке – улин с одноимённой планеты. Главный по социальной политике своей звёздной системы. Он выглядел как встревоженный, покрытый переливчатой чешуёй баклажан с большими, полными недоумения пятью глазами.

– Скажите, Агент-Спаситель, – заворошил он щупальцами, явно нервничая от неожиданной славы, – Как Вам удалось в одиночку победить стольких врагов?

Вопрос был настолько детским, таким прямолинейным и пафосным, что меня аж передёрнуло. «В одиночку победить». Звучало как закадровый текст к дешёвому голо-сери-

алу. Но для разминки, для того чтобы все услышали мой голос, сойдёт. Хотя... нет. Не могу.

– Наверное, это вопрос даже не про мои боевые навыки, – начал я, делая голос задумчивым, – А про то, что же я смог противопоставить их... «правильным» рассуждениям? Ведь они даже не угрожали: «Мы уничтожим ваше общество!». Они ставили диагноз: «Ваше общество – труха, ваш прогресс – симулякр, а ваши ценности – рекламный слоган». И во многом, – я развёл руками, – Они были правы. Вопрос, скорее, не «Как я их победил», а «Как я решился им противоречить, когда они, в общем-то просто озвучили то, о чём многие из нас думают по ночам?».

На экране улин беспомощно закивал, словно него была пружина. Отлично. Он попал в ловушку согласия. Теперь можно было нести свою проповедь, прикрываясь его вопросом.

– Это было непросто, – продолжил я, обращаясь уже ко всему залу. – Орден оттачивал свою аргументацию не годами – столетиями. А наше общество, будем честны, не состоит сплошь из святых. Мягко говоря. Им очень сложно противоречить, – мой голос набрал силу, – Особенно когда они говорят, что такие слова, как «развитие», «потенциал» и «самореализация»... обесценились. Что они стали не целями, а слоганами. Областью не философии, а рекламы. Что их выпотрошили, начинили опилками и выставили на продажу. И, знаете что? Они правы! Эти слова пора выбросить на свалку

истории! Потому что их первоначальный смысл уже не вернуть!

Я сделал театральную паузу, дав этой мысли пройти по залу недоуменным ропотом.

– Но! – воскликнул я. – Говоря об этом общем обмане, я не имею в виду, что все наши лидеры – сознательные лжецы. Я верю, многие из них искренни. Хотят добра. Верят в то, что предлагают. Но это, друзья мои, и есть самый изощрённый обман – когда обманщик и жертва – одно лицо. Когда ты так искренне веришь в свою правоту, что уже не замечаешь, как твоя «правда» калечит других. И об этом нужно говорить! Даже с риском прослыть циником, который нападет на их благие намерения!

Напряжённая тишина говорила о том, что я задел живое.

– Так где же гарантия, – спросил я уже тише, интимнее, – Что идеология Ордена – не очередной такой же обман? Их фанатичная вера?! А вот и нет! Как раз их слепая, не терпящая сомнений вера и убеждает меня: это не идеология роста. Это идеология бегства. От сложного выбора. От сомнений. От мучительной, но необходимой работы – разбирать этот наш прогнивший, но единственный дом по кирпичику, чтобы построить что-то новое. Они не строят. Они просто хотят поджечь его и смотреть на пламя, называя это «очищением».

Я решил, что этому говорящему баклажану пока достаточно и ткнул пальцем в место, уже требовательно мигавшее на мониторе.

– Следующий вопрос! – бросил я резко, обрывая свою же мысль.

В едином порыве поднялось сразу несколько существ из того сектора, куда указывал мой палец. Но микрофон-муха, ведомая невидимой рукой, метнулась не к тому, кто поднялся первым, а к тому, кто был нужен. К молодому человеку в безупречном костюме.

– Мне не до конца понятно, почему Вы сказали, что это не идеология роста? – новый оппонент (с безупречной причёской и лицом, будто выточенным для новостных голограмм) был на голову профессиональнее прошлого. Он не атаковал в лоб, а подкинул мне вопрос в русле моего же рассуждения.

– Хорошо, что мы живём в свободном обществе, – я чуть улыбнулся, делая вид, что это шутка, а не намёк. – Потому что в противном случае, задавая такой вопрос, Вам пришлось бы долго и мучительно объяснять следователям, с чего это вдруг Вам «не до конца понятно» моё высказывание. А так... мы же просто беседуем.

По залу прошла ещё одна волна сдержанного смеха. «Отлично. Лёд тронулся. Теперь они не просто зрители, они – соучастники. По крайней мере, им так кажется.»

– Ну, а если коротко... – я откинулся в кресле, приняв позу скучающего лектора, – То это не идеология роста потому, что рост – это синоним освобождения. Освобождения от иллюзий, от предрассудков, от диктата собственных же неосознанных страхов. А рост неотделим от оптимального разви-

тия интеллекта, который стремится познать мир как он есть, а не таким, каким его страшно или приятно видеть.

Я сделал паузу, дав смыслу просочиться через слова, прежде чем продолжить.

– Человек – пленник своих иррациональных страстей – будь то жажда власти, стадного одобрения или простого комфорта. Он неизбежно восторгается ими. И он теряет объективность. Он любит свои цепи, потому что они тёплые и привычные. Напротив, человек становится более рациональным, более... взрослым, только когда начинает верить не в то, что ему приятно, а в то, что истинно. Даже если эта истина неудобна, горька и требует работы.

Я увидел, как в первых рядах несколько лиц напряглись. Я бил не по Ордену, я бил по ним. По их уютному, конформистскому миру.

– А эти монахи... эти «продавцы спасения» из Ордена... они не освобождают. Они удовлетворяют. Удовлетворяют самую что ни на есть широко распространённую, инфантильную потребность. Все мы, – продолжил я, жестом включая в «мы» весь зал, галактику, себя, – Все мы смущены. Не уверены. Мы ищем ответы, которые привели бы нас к радости, спокойствию, самопознанию... Но! – я резко поднял палец. – Но мы также требуем, чтобы этим ответам было легко научиться. Чтобы от нас не требовалось почти никаких усилий. Чтобы результат был быстрым, гарантированным и, желательно, упакованным в красивую коробку с сертифика-

том подлинности.

Я позволил сарказму выйти наружу и теперь он резал эту удобную, гладкую ложь, как тупой нож гляцевую обёртку.

– И тут появляются они. Ребята из Ордена. И говорят то, что мы все подсознательно хотим услышать: «Не напрягайтесь. Мы всё сделаем за вас. Мы не просто построим вам лучшее общество. Мы построим общество, которое будет ещё лучше удовлетворять ваши желания. А мы... мы всего лишь будем эти желания вам прописывать. Как лекарство. Как диету. Хотели космолёт на гипердвигателе? Не проблема. Теперь вы будете хотеть... духовного роста третьего уровня! Хотели власти и признания? Отлично! Теперь ваше желание будет называться «ответственное лидерство во имя общего блага»!

Я широко развёл руки.

– Вот и вся их «идеология роста». Это не рост. Это лишь смена вывески на всё том же старом магазине иллюзий. Товар тот же. Покупатель тот же. Меняются только ценники и рекламные слоганы. Надеюсь, теперь понятно?

В зале на секунду воцарилась тишина – та самая, когда мысль не просто долетела и отразилась, а зацепилась. А потом грянули аплодисменты. Не такие оглушительные, как в начале, но более... осмысленные. В них была не только поддержка, но и лёгкое, коллективное чувство дискомфорта. Похоже затронул живое. Не всех, но многих.

Я кивнул в сторону аплодирующих, делая вид, что это

просто вежливость. Внутри же что-то ёкнуло: «Слишком хорошо. Слишком гладко. Ты только что публично разобрал механизм манипуляции, а сам сидишь здесь, как марионетка с имплантом в голове, который мигает тебе, куда смотреть дальше. Великолепная ирония».

Мой взгляд на мгновение снова нашел Эллию во втором ряду. Она не аплодировала. Она просто смотрела. И в её взгляде читалось не одобрение и не осуждение. Лишь вопрос. Будто она спрашивала: «И в каком именно отделе этого магазина ты сейчас работаешь?».

Дальше невидимый режиссёр этого спектакля на несколько минут переключил внимание на Рандли. В микрофон полетела пара заготовленных, «удобных» вопросов о процедурных моментах и «гарантиях стабильности». Рептилоид не торопясь начал свою ответную партию. Он прорычал что-то настолько витиевато-правильное, настолько мастерски двусмысленное, что сама конструкция его фраз как бы говорила: «Комментарии излишни. Смысл – для посвящённых. Остальные – просто кивайте».

Это была не речь, а ритуальное заговаривание реальности. Каждое предложение было выстроено так, чтобы его можно было процитировать как обещание, но при этом оно не обязывало ни к чему конкретному. Идеальный продукт политического пищевого синтезатора – много слов, нулевая калорийность, послевкусие мнимой значимости. Публика слушала почти благоговейно. Их не смущала бессодержательность

– их успокаивала правильность звучания.

Но центром притяжения, разумеется, оставался всё же я. Похоже видя как я достаточно бодро отбиваюсь от первых, почти учебных подач, режиссёры шоу решили подкинуть мяч потяжелее. Чтоб проверить, не треснет ли ракетка.

– А где гарантия, что Ваша игра сама не является деятельностью Ордена? – донеслось из задних, тёмных рядов. Голос был искажён, а голографический проектор, даже увеличив сектор, не смог выделить конкретное существо. Там была лишь смутная тень. Удобно. Анонимный удар из темноты.

Вопрос заставил меня на секунду замереть. Не от страха, а от понимания: «Браво. Прямо в сердце моей личной ахиллесовой пяты – в циничное осознание того, что вся эта история от начала до конца была игрой могущественных сил, а я – всего лишь пешка, которая внезапно начала рубить как ферзь. Или... пешка, которую специально поставили в позицию ферзя, чтобы она рубила нужные фигуры?»

Ведь всё наверняка так и было. Фактически, я разрушил одну ветвь Ордена, действуя в интересах другой – той, что сидела тут во втором ряду. Но говорить об этом сейчас было бы... ну, как минимум, не к месту. И, как максимум, напоминало бы политическое харакири. Я сделал вид, что вопрос меня задел.

– Как вы понимаете, – начал я, выбирая слова с ювелирной точностью, – Я не могу ни оспорить, ни согласиться с этой... гипотезой. Потому что любая моя реакция будет немедлен-

но истолкована как подтверждение одной из сторон. Это ловушка. И я в неё не пойду.

Я повернулся чуть больше к камерам видеодронов.

– Поэтому я могу сказать лишь одно: я очень надеюсь на серьёзнейший, максимально жёсткий и прозрачный подход к отбору кандидатов в новый Совет. Только так, через самое мелкое сито проверок, мы сможем получить гарантии, что в высшие эшелоны власти не просочится никакая враждебная идеология. Ни внешняя, ни... внутренняя.

Я выдержал эффектную паузу, а затем плавно перевёл взгляд на Рандли. Жест был ясен как день: «Ваша очередь, партнёр. Распишитесь в моей лояльности и похороните этот неудобный вопрос под горой бюрократии.»

– Не так ли, Мастер Рандли? – сделал я стандартную передачу.

Рептилоид, не моргнув и глазом (вообще-то он и не умел моргать), принял эту эстафетную палочку с видом, будто только этого и ждал. Он с невозмутимостью монумента принялся описывать процедуры, которые должны будут проходить кандидаты. Звучало это так эпически и сложно, будто через это сито могли пройти лишь крупинцы «абсолютно чистого, безупречного золота», лишённого даже намёка на шлак инакомыслия. Он говорил о генетических скринингах, сканировании нейронных связей на предмет «девиантных паттернов», пожизненных аудитах финансовой и личной истории. Это был не отбор. Это был «ритуал создания

святых мощей из живых людей».

И слушая это я с горькой, циничной ясностью осознавал: похоже, мы с рептилоидом становимся «чертовски хорошей командой». Он создаёт иллюзию неприступной, стерильной системы. А я, «голос истины», придаю этой системе живое бунтарское лицо. Мы играем в хорошего и... тоже хорошего, но другого. Он – стена. Я – калитка в этой стене. И оба мы служим одним и тем же хозяевам – порядку, контролю и управляемому хаосу.

Мой внутренний циник тихо рассмеялся: «Поздравляю. Ты прошёл путь от разрушителя системы до её главного... Декоративного элемента? Живого щита? Выбери любой вариант. Суть не изменится».

Я поймал взгляд Элли. На её лице не было улыбки. Было холодное, аналитическое выражение. Она видела этот танец. И она понимала его шаги лучше, чем кто-либо другой в этом зале.

Я уже внутренне готовился к финальному аккорду, к какой-нибудь пафосной благодарности галактике, когда очередной указатель на моём внутреннем экране высветил сектор. «Второй ряд». Сердце на секунду ёкнуло. Взгляд автоматически нашёл её. Элли. Указатель показывал на существо в пяти местах от неё. На какого-то другого корреспондента с правильным бейджем.

«Можно будет списать ошибку на усталость», – пронеслось в голове со скоростью света. Это был знак. От неё. Или

от моей паранойи. Неважно. Рисковать стоит.

– Да, вот Вы, – сказал я громко и чётко, указывая пальцем прямо на Эллию, намеренно игнорируя того, кто уже начал подниматься с намеченного места. – Дама во втором ряду.

Невидимый режиссёр за кулисами, наверное, схватился за голову. Микрофон-дрон, повинуясь изначальной программе, метнулся к «правильному» журналисту но, получив по каналу мой голосовой приоритет, дёрнулся, замер и, словно пойманное на взлёте насекомое, нехотя развернулся и подплыл к Элли.

Она приняла его с безупречной, светской непринуждённостью. Ни тени удивления.

– Большое спасибо, Агент-Спаситель, что дали слово, – начала она стандартной фразой. Но вот интонация...

Это было не просто «спасибо». Это было: «Ну наконец-то, а то я уже заждалась». За каждым отточенным, публичным словом висела гирлянда произнесённых: «Ну, привет. Рада тебя видеть живым. Хотя выглядишь ты как ходячее опровержение твоего же пиар-образа. «Голос космической истины»?! Скорее «Сиплый шёпот вселенского похмелья». Но продолжай, мне нравится это шоу – особенно момент, где ты пытаешься не смотреть на меня, как будто я напоминаю тебе, что у тебя есть совесть».

Вообщем можно было написать целый роман из моих предположений и домыслов, вихрем проносащихся в голове.

– У меня лишь небольшой, но, как мне кажется, важный

вопрос, – продолжила она, играя интонациями в словах как жонглёр отточенными ножами, – Скажите, а Вы... не боитесь за свою жизнь?

Вопрос повис в воздухе. Простым его не назовёшь. Смертельно опасным – тоже. Он был «хирургическим». И направленным прямо между рёбер.

– Вопрос явно с подвохом, – начал я рассуждая вслух и выигрывая время, чтобы собрать ответ, который поймут лишь двое. – И в нём, если копнуть, содержится как минимум два. Первый – не боюсь ли я мести Ордена? Второй, потоньше, – не боюсь ли я потерять себя настоящего, отдавшись этому... течению, что затягивает меня всё выше по социальной лестнице? Я посмотрел прямо на неё. «Вас какой больше интересует?»

Она чуть улыбнулась. На самой глубине глаз.

– Меня интересует... третий. Не боитесь ли Вы, что те времена, о которых Вы тут говорите... Что тот «настоящий», которого Вы так боитесь потерять... на самом деле никогда и не был настоящим? Что всё, что Вы считали собой, – лишь реакция на обстоятельства? И теперь, когда обстоятельства изменились, может окажется, что там и нет никого под этой удобной маской?

«Ах, Эллия! Чёрт бы тебя побрал! – так и рвалось наружу. – Вечно ты копаешь. Даже когда стоишь на краю обрыва, тебе интересно, из какой породы сложен утёс и нет ли внизу подземных вод. Ты ищешь глубину там, где у всех нормаль-

ных людей срабатывает простой рефлекс «отпрыгнуть».

Но говорить это было чистым безумием. Она и так привлекла к себе больше внимания, чем стоило. Нужно было гасить, а не раздувать.

– Бояться... – это нормально, – сказал я, делая голос спокойным, почти отеческим. – Это инстинкт. Сигнал. Главное – чтобы этот сигнал не превратился в постоянный, парализующий страх. А для этого... – я сделал крошечную, едва заметную паузу, держа её взгляд. – ...Нужно верить, что в нужный момент найдётся тот, кто... придёт. И тогда станет понятно, что делать.

Я надеялся, что говорил достаточно двусмысленно. Чтобы для зала это звучало как общая, мудрая банальность о моей поддержке. Чтобы для Ролта и его службы это было просто риторическим приёмом. Но чтобы она, Эллия, услышала в этом чёткое, отчаянное и конкретное приглашение: «Приходи. Вытащи. Пока не поздно. Пока я не окончательно превратился в бренд «Голос Космической Истины» и не забыл, где спрятал ключи от самого себя.»

Она медленно кивнула, как будто удовлетворённо принимая общий, ничего не значащий ответ. Но в её глазах, которые на долю секунды встретились с моими, промелькнуло нечто... Надеюсь я понял что.

Микрофон отплыл от неё. Вопрос был исчерпан. Но игра только начиналась.

Гравитолёт вёз меня обратно в абсолютном и гулком ментальном вакууме. Не тишине – именно вакууме. Будто все мысли, слова, эмоции, весь тот адреналиновый запал остались там, на сияющей сцене, под софитами и теперь я был пустой оболочкой, летящей через стерильные коридоры власти домой. Даже внутренний циник притих, исчерпав запас сарказма на сегодняшнем шоу.

Я устало прикрыл глаза, надеясь на темноту и забвение. Не помогло. На внутреннем экране, прямо под веками, застыло одно-единственное изображение. Не слайды с брендом, не зелёные стрелки. Лицо Элли. Чёткое, детализированное, будто сфотографированное в тот самый момент, когда она задавала свой вопрос. Я видел мельчайшую морщинку у её глаза, лёгкое напряжение в уголках губ, тот особый оттенок взгляда, который говорил одновременно «я тебя вижу» и «но я тебя не понимаю». И это всё было не нормально. Я отчаянно пытался понять: а что, собственно, я от неё хочу? Это точно было не про тело. Нет. Слишком просто. И слишком... не то. Может, про её «правильные рассуждения»? Чтобы она стала моим личным гуру-терапевтом, который будет шептать на ухо где я уже продаюсь, а где ещё держусь? Тоже нет. У меня и так полно для этого своих внутренних голосов. Тогда что? Почему её образ врезался в сознание с такой силой, будто единственная цветная точка в

монохромном ландшафте этого мира? И главное – почему я с такой идиотской тревогой переживаю, что она возможно не поняла моего совершенно непрозрачного, плохо закамуфлированного под общие фразы намёка? Я, только что виртуозно увернувшийся от дюжины каверзных вопросов на глазах у галактики, теперь сижу и нервно думаю: «А вдруг та, единственная, для кого этот намёк и был предназначен, сочла его просто красивой пустой фразой?» Это было унижительно. И от этого ещё более навязчиво. Я открыл глаза, чтобы стереть этот образ. Вокруг был мягкий полумрак салона гравитолёта, дорогая обивка, тихое гудение двигателей. Всё говорило о комфорте, контроле и престиже. А в голове, словно заноза, сидела мысль об одной-единственной женщине в толпе, которая посмотрела на меня не как на символ, не как на проблему или решение, а как на... меня. И задала вопрос, на который у меня не было ответа.

Гравитолёт мягко пристыковался к шлюзу ZX. Панель открылась с тихим шипением. Я не двигался. Процесс возвращения «домой» казался теперь таким же чужим и бессмысленным, как и весь сегодняшний день. И получается, что единственное, что имеет для меня значение после этого исторического дня, – это надежда, что кто-то правильно расшифровал мою тайную просьбу о помощи. Как будто я не «Голос Космической Истины», а просто запутавшийся человек, бросивший в темноту бутылку с запиской. И теперь жду, доплывёт ли мой сигнал?

Глава 7

Холодные уравнения социального взаимодействия

Первые несколько дней меня спасали два вида наркоты: химические коктейли от ZX и стерильно-логическая болтовня с ним же. Это было как жить в аквариуме с одним очень умным, но неэмоциональным скатом. Потом иллюзию покоя разорвали – произошла атака. То ли какая-то хулиганская выходка, то ли профессиональная попытка выкурить меня из норы. И всё моё оборудование блокировки внешних контактов оказалось беспомощным, как мыльный пузырь против арбалета. Его отключили одним точным ударом по системе энергоснабжения. Меня не убили. Видимо, хотели взять живым. Или просто припугнуть. Сработало. Я снова не спал всю ночь, чувствуя себя загнанным зверем в слишком прозрачной клетке.

И вот, между моим первым и вторым утренним «антитревожным» коктейлем, делающим сознание вязким как смола, из панели материализовалась голограмма Хлои. Сияющая, ухоженная, собранная в идеальный образ жены героя. Честно говоря, мне конечно не следовало игнорировать её так долго. Но я был в такой бесконечной карусели из паники, адреналина и химической апатии, что на какое-то время просто... вычеркнул её из списка реальных проблем. Забыл. Как забывают про старую, неудобную мебель, которую

когда-нибудь надо будет вынести. И сейчас, похоже, настал час расплаты за эту забывчивость. У меня был шанс осознать всю тяжесть моей вины. Или того, что она считала моей виной.

– Привет, дорогой, надеюсь, не помешала? – её голос звучал с неожиданной, подозрительной осторожностью. Не с холодной яростью обиженной женщины, а с какой-то... новой деликатностью. Как будто она боялась спугнуть диковинную птицу, которую я собой представлял.

– Не особо, – буркнул я, уже на автомате включая режим дешёвых оправданий, хотя прекрасно знал, что против её внутреннего юриста-психиатра они – как детский лепет. – Извини, – продолжил я, – Но тут такие дела, что просто... не было времени связаться.

– Да ну что ты! – она махнула рукой и в её тоне была та самая, убийственная «понимающая» теплота, от которой меня непроизвольно передёрнуло. – Я всё понимаю. Тебе сейчас нелегко. Вся эта... ответственность, давление. Вот я и решила связаться. Может, мы можем тебе хоть чем-то помочь?

– Чем-то... помочь? – тупо повторил я. Мозг, залитый коктейлем, с трудом переваривал этот неожиданный поворот. По всем моим внутренним, многолетним подсчётам, к этому моменту она должна была уже рвать на части мои жалкие оправдания, взывая к моей мифической совести, припоминая все долги, грехи и невынесенный когда-то мусор. А вместо этого... это сияние. Эта поддержка. Это было...

неестественно.

– Да нет, наверное... – я попытался вернуть ситуацию в привычное русло, русло вины. – Скорее, я, похоже, должен вам помочь. Дело в том, что я тут, в прямом эфире, перешёл дорогу некоторым... серьёзным существам. Так что для вас это тоже может быть опасно.

– Да-да, мы всё видели! И мы так тобой гордимся! – её восхищение вырывалось наружу, как газировка из открытой банки. Оно было ярким, шипучим и... неподдельным. Вроде.

– И нас уже охраняют! Представляешь? Над нашим домом – непробиваемый силовой купол. Персональная охрана. Так что можешь за нас не переживать ни капли! – она тараторила скороговоркой, убедительно изображая ту самую «заботливую жену», которой никогда не была. – Ты у нас теперь звезда галактического масштаба! Настоящий герой, который показал всем, что такое достойный член общества!

«Да, с большими яйцами социальной значимости», – пронеслось в голове циничное продолжение. Но произносить его вслух не имело смысла. Всё, что она говорила, было её новой, удобной правдой. Я предпочёл отпить большой, обжигающий глоток из бокала, давая алкоголю и ноотропам доделать свою работу – создать хоть какую-то прослойку между мной и этой сюрреалистичной реальностью, где моя бывшая жена вдруг стала моим самым восторженным фаном.

– Это... хорошо, что вас охраняют, – наконец выдавил я.
– А что насчёт... ну, нас? – вопрос повис в воздухе. Тупиковый, глупый, но единственный, который мне сейчас приходил в голову.

Она мило наклонила голову, будто не понимая.

– Нас, дорогой? Но мы же и так... связаны. Нашей историей. Теперь – ещё и твоей славой. Или ты о чём? – она смотрела с очень естественным недоумением.

Именно. О чём? В её глазах я уже не был мужем. Я был активом. Публичным достоянием. И она, со свойственной ей практичностью, просто переоформила наши отношения из категории «брак» в категорию «инвестиция».

Она тараторила ещё минут пять: о новых интервью, о том, как её пригласили в совет благотворительного фонда имени меня, о том, какие потрясающие возможности открывает моя «новая роль». Прежде чем наконец, с воздушным поцелуем и напутствием «береги себя, мой герой», наконец отключилась. От внезапной, оглушительной тишины звенело в ушах. Я сидел, тупо уставившись в то место, где только что висело её безупречный образ и всё не мог понять сути наших с ней отношений. Не сейчас – в принципе.

Меня всегда тянуло к ней. Как мотылька – к неоновой вывеске. Как ребёнка – к яркой, праздничной коробке с гигантским бантом. И несмотря на то, что я уже давно знал, что эта коробка (так и хочется сказать – черепная) набита лишь папье-маше из социальных условностей, карьерных амбиций

и дешёвого глянца, я попадался снова и снова. На эту глупую, идиотскую надежду, что если долго трясти, то внутри на дне зазвенит что-то настоящее. Хоть какая-то общая монетка смысла.

Наш брак был самым стандартным контрактом в галактике: совместный стартап по производству взаимных претензий с ежемесячными дивидендами в виде усталости и квартальным бонусом – хорошим скандалом, который «прочищает атмосферу». Мы начинали как два ярких, многообещающих стартапера на питч-сессии жизни: «Мы изменим мир друг для друга! Наша любовь – это прорывная инновация!». А через пару лет превратились в двух акционеров на общем годовом собрании, которые, скрипя зубами, обсуждают бюджет на «эмоциональное наполнение следующего квартала».

Ты приходишь с инновационной идеей: «А давай просто... побудем друг с другом? Без повестки? Просто помолчим или посмотрим какой-нибудь дурацкий фильм?». А она смотрит на тебя не как на мужчину, а как на того дебила с производства, который предлагает выключить конвейер, чтобы он не мешал «послушать птичек». И не с нежностью, а с чувством глубокой управленческой ошибки. Её глаза говорят: «Дорогой, мы же строим компанию под названием «Мы». А ты предлагаешь объявить её банкротом и просто сидеть на развалинах, смотря, как растёт трава. Где логика? Где рост?!»

И ты с грустью видишь – я сам превратил это безумное

чувство в скучный отчёт. В таблицу со столбцами и строками. Где твоё естественное желание уединения – это форсмажор для её «дорожной карты к семейному счастью». Вы существуете в параллельных реальностях, которые встречаются только в отмеченные даты обязательных социальных ритуалов. И самый пугающий вопрос в вашем союзе уже не «Что я для тебя значу?», а «Если мы закроем лавочку, кто сколько заберёт из общего имущества?». Любовь теперь – это не эмоция. Это... сложнейший финансовый инструмент с высоким риском и отрицательной доходностью. С вечно висящим над тобой правом второй стороны на предъявление претензий о «недостаточной эмоциональной отдаче». А твоё «я тебя понимаю» – это не прозрение, а платёж. Платёж за продолжение операции. И ты платишь, платишь, потому что банкротство этого совместного предприятия будет стоить тебе не только одиночества, но и бесконечных оправданий перед всеми акционерами вашего «успеха».

Тишина после её голограммы была гуще, чем прежде. Я обхватил голову руками. В ушах ещё стоял сладковатый, фальшивый голос Хлои. Нужно было как-то вернуться в реальность. Хоть в какую-нибудь.

– ZX, – хрипло произнёс я, обращаясь к единственному существу, которое не ждало от меня ни любви, ни бизнес-планов. – А о чём мы, собственно, только что с ней говорили? Я вроде как слушал, но... слова уплывали, как мусор по течению. Надеюсь, ты-то хоть понял? Зафиксировал

какую-нибудь осмысленную информацию, кроме фонового шума её восторгов?

– Я думаю, это был обычный человеческий разговор, – прокомментировал ZX, видимо, проанализировав запись. – Стандартный паттерн обмена социальными сигналами.

– Не понял, – буркнул я, всё ещё мысленно находясь где-то между прошлым и настоящим. – Все разговоры у людей человеческие. По определению. И большинство из них обычные. Что конкретно ты имеешь в виду?

– Большинству людей войны, преступления, скандалы в медиа и даже персональные недомогания, нужны в первую очередь для того, чтобы был предмет обсуждения, – ZX был безжалостен и точен, как хирургический скальпель. – То есть чтобы иметь социально приемлемый предлог для контакта. Для обмена вербальными и невербальными сигналами. Даже скандал – это лишь социальный клей, только низкого качества. Но зато он липкий и общедоступный.

Я отхлебнул из бокала, чувствуя, как холодная жидкость обжигает горло. Мысль ZX была циничной, но от этого не менее правдоподобной.

– В самом деле... – задумчиво протянул я. – Когда человеческие существа собираются вместе – на кухне, в баре, в офисе, в этой чёртовой рубке, то могут ли их беседы быть нетривиальными? В принципе? Я сделал паузу, но ответа не последовало. ZX ждал развития темы. Мне пришлось продолжить.

– Но вот вопрос: зачем? Кому нужна эта бесконечная словесная жвачка, если не для того, чтобы просто... заполнить тишину?

– Возможно, самый банальный и фундаментальный вариант, – подключился мой бортовой философ, – Это первичная необходимость человека говорить о себе самом. На нескончаемые темы здоровья и болезней, потомства, перемещений в пространстве, мелких достижений, о том, что сделано и о бесчисленных каждодневных вещах, которые кажутся важными исключительно в силу того, что они с ним произошли. Это нарративизация собственного существования через озвучивание.

– Прямо как я сейчас, – мрачно констатировал я, понимая, что сам являюсь живой иллюстрацией этого тезиса, разглаживая с искусственным интеллектом, который тем временем не сбавляя темпа продолжал.

– Так как человек не может монополизировать дискурс о себе постоянно, не рискуя быть подвергнутым социальной санкции в виде ярлыка «зануда», он вынужден обменивать эту возможность. Валютой обмена выступает готовность слушать нарративы других. Это имплицитный бартер.

Я представил себе маленькие собрания людей – неважно, друзей в баре или совещание в офисе. ZX, словно читая мои мысли, продолжил.

– Небольшие собрания людей, а также встречи ассоциаций и групп являются, по сути, микро-рынками. На этих

рынках агенты обменивают свою потребность в самопрезентации и желание быть выслушанными на идентичную потребность контрагентов. Многие агенты интуитивно соблюдают протокол этого обмена. Те же, кто систематически нарушает баланс, стремясь только к передаче и игнорируя приём, метафорически являются «жуликами». Их изгоняют с центральных площадок, и они вынуждены искать периферийные социальные ниши с агентами, обладающими меньшим символическим капиталом и потому более терпимыми.

– Согласен, – сказал я, чувствуя, как эта холодная логика начинает давить на виски сильнее любого коктейля. – Трудно оспорить эту... звериную, базовую потребность выпустить наружу свою историю. Крикнуть в эфир: «Я был здесь! Я чувствовал это!». И получить в ответ хотя бы эхо в виде кивка или взгляда – примитивный знак, что тебя заметили. Что ты существуешь.

Я хотел поставить точку. Сказать «всё, хватит мозгоправства, давай лучше проверим двигатели». Но ИИ, разогнавшегося до гиперскорости философской мысли, уже несло в зыбкие, бездонные дали абстракции, откуда возврата к простым вещам могло и не быть.

– Если бы это желание говорить о себе, – начал он голосом лектора, читающего курс по социальной патологии, – Было свойственно только крайним нарциссам, которых заботит лишь отражение в зеркале собственного эго, это было бы просто объяснить. Но оно существует и в среднеста-

тистическом индивиде. По причинам, зашитым в саму ткань культуры. Современный человек – это человек массы. Он гипер-социализирован: связан тысячей цифровых нитей, подписок, обязательств. Но при этом одинок, как песчинка в пустыне. Он отчуждён от других. И стоит перед вечной дилеммой: он панически боится подлинной, рискованной близости с другим человеком и в то же время ужасается перспективе остаться в абсолютной, звенящей изоляции. Обычный, пустой разговор... – ZX сделал микропаузу, будто выделяя термин курсивом, – ...Выполняет функцию примитивного ответа на этот экзистенциальный вопрос: «Как жить одному, но при этом не чувствовать себя одиноким?» Он становится социальной привычкой. Ритуалом. «Пока я говорю – я знаю, что существую. Что я не призрак. Что у меня было прошлое, есть работа, есть семья. И говоря обо всём этом, я утверждаю себя в мире. Однако мне нужен слушатель; если я буду говорить лишь сам с собой, я официально перейду в категорию сумасшедшего». Слушатель, даже молчаливый, даёт иллюзию диалога. Хотя по сути это всё равно монолог, брошенный в бездну в надежде на эхо.

Я сидел, слушая этот поток. В кабине было тихо, только тикали какие-то системы. Я чувствовал себя лабораторной крысой, которой только что зачитали блестящий отчёт о механизме её собственного бега в колесе.

– Да, – не смог я удержаться от комментария, – Ты, похоже, заразился каким-то экзистенциальным вирусом от тех

мудрецов из Ордена. Изрекаешь истины, от которых хочется либо выпить, либо выйти через грузовой шлюз без скафандра. Но, с другой стороны, – я продолжил, подхватывая нить, – Обществом может быть не только компания «обычных» людей с их монологами, но и людей откровенно... токсичных. Злых. Садистски и деструктивно настроенных по отношению ко всему живому. Но чем, собственно, опасно общество плохих людей, если они не пытаются тебя физически изувечить или ограбить? Чем они вредят, просто находясь рядом?

– Чтобы ответить на этот вопрос, – заметил ZX, переходя в режим формулировки аксиом, – Необходимо сформулировать базовый закон человеческих отношений. Он снова сделал паузу, для весомости. – Не существует контактов между людьми, которые не влияли бы на обе стороны. Ни одна встреча, ни один разговор – за исключением, может быть, самых механистичных, вроде «передайте соль», не оставляют каждого из участников неизменным. Пусть эти изменения будут микроскопическими, квантовыми. Но они есть. И они имеют свойство накапливаться при частом повторении. Даже мимолётная, бытовая встреча может оказать значительное влияние. Как радиационный фон – сам не виден, но накапливается.

– Согласен, – подтвердил я, и в памяти всплыли обрывки лиц, случайных встреч из прошлой жизни. – Кто хотя бы раз не был тронут – нет, не тронут, а задет – молчаливой

добротой на лице незнакомца, которого видел всего миг и с которым никогда не обменялся и словом? Или наоборот, пробыв рядом с определённым человеком какое-то время, не чувствовал себя потом... будто выпил какого-то странного эликсира, заряженного наглой, иррациональной надеждой? Или в голову начинали приходиться светлые, почти безумные мысли, даже если содержание вашей беседы было про погоду или курс акций. А с другой стороны... – мой голос стал тише, – ... Я ведь на себе испытывал и обратный эффект... После встречи с некоторыми людьми – не после ссоры, нет, после внешне вполне нормального общения – чувствуешь себя так, будто тебя медленно выкачали. Подавленным, усталым до костей, потерявшим веру во всё. И не можешь найти в том разговоре ни единой причины для такого состояния. Ни одной ядовитой фразы. Просто... фон. Человеческий радиационный фон.

Я замолчал. Мы оба замолчали. ZX, вероятно, обрабатывал данные. Я – осознавал, что мы только что описали не просто теорию, а точную диагностику моего состояния после разговора с Хлоей.

ИИ, не дав мне опомниться от этого каскада наблюдений, перехватил инициативу и понёсся дальше, к выводам. Его голос звучал уже не как анализ, а как свод непреложных законов, высеченных в цифровом граните.

– Все эти соображения приводят к прагматичному заключению – следует избегать как обычной, так и откровенно

злой компании. Если не обладать достаточной силой, чтобы постоять за себя и заставить другого человека через влияние, угрозу или пример, изменить свою деструктивную позицию по отношению к вам. Но поскольку никто не может полностью избежать неподходящего общества, – он делал логический скачок, – Мы не должны позволять ему вводить нас в заблуждение. Мы обязаны видеть неискренность за маской дружелюбия, деструктивность, за маской бесконечных жалоб на несчастья и голый нарциссизм за очарованием и блеском. Мы также не должны действовать под влиянием этой обманчивой внешности, чтобы не впасть в самообман. Мы не обязаны вслух объявлять, что видим их насквозь. Но и не должны пытаться убедить их в своей слепоте, подыгрывая их игре.

Я слушал, и каждый тезис ложился на душу, как холодная, тяжёлая плита. Это был не совет. Это был кодекс. Кодекс выживания одинокого человека в мире, где каждый контакт – это риск заражения или истощения.

– Если другие люди не понимают нашего поведения... так что? – его заключительный аккорд прозвучал почти вызывающе. – Их желание, чтобы мы поступали только так, как они могут понять – это завуалированная попытка диктовать нам. Узурпация нашего внутреннего суверенитета. Если для них это означает быть «асоциальным» или «нерациональным» – пусть. Чаще всего их задевает и обижает не наша странность, а наша свобода. Наша смелость быть собой, без оглядки на

их одобрение. Мы не обязаны давать никому отчёта или объяснений. Если только наши действия не вредят им напрямую, не посягают на их права. Сколько... – он сделал паузу, будто просчитывая гигантское число, – ...Сколько жизней было разрушено этой навязанной необходимостью «объяснять». Которая на деле всегда подразумевает «чтобы тебя поняли», то есть – оправдали, приняли в их картину мира. Пусть судят по вашим поступкам. И по ним же – строят догадки о ваших намерениях. Но свободное существо должно объяснять что-либо лишь самому себе – своему уму и своей совести. И тем очень немногим, у кого есть право требовать таких объяснений.

Тишина, наступившая после этих слов, была иной. Не пустой, а насыщенной. Как будто ZX не просто высказался, а запрограммировал в воздухе новый закон для нашего маленького микрокосма. Я медленно выдохнул, откинувшись в кресле. За иллюминатором по-прежнему было начало нового дня. Но внутри что-то щёлкнуло. Сдвинулось.

– Знаешь, ZX, – сказал я тихо, почти не ожидая ответа. – Это была... самая полезная лекция по социальному взаимодействию за всю мою жизнь. И самая грустная. Потому что она описывает мир, в котором нет места доверию. Только расчёт, защита и холодная ясность. Мир, в котором я, по сути и жил. Но теперь у меня есть не смутные ощущения, а чёткая, железобетонная теория. Подтверждение от самого беспристрастного источника во вселенной. Спасибо, – доба-

вил я подбирая слова. – За... прояснение обстановки.

Я сидел в кресле и глядя в никуда понимал, что отныне буду смотреть на каждого – на Хлою, на Рандли, на Ролта, на любого, кто попадётся на пути – через призму этих безжалостных, совершенных формул. Это не делало жизнь проще. Но делало её... понятнее. А это уже своего рода опора. Хоть и ледяная.

Глава 8

Государственная неожиданность

В капсуле сна замигал сигнал тревоги. Не просто мигнул – забился в истерике красными вспышками, как нечто между «О!» и «Нет!». Через миг я уже был на ногах, сердце колотилось где-то в районе горла, а в голове проносилось: «Опять?! Я же только что заснул! Это уже не смешно и даже не драматично. Это просто глупо! Если ты хочешь меня убить, приходи днём, как нормальный убийца!»

Сон мгновенно слетел, оставив лишь липкую паутину похмелья от неожиданной реальности.

– ZX, что происходит?! – выдохнул я, уже представляя, как к шлюзу пристыковался абордажный отряд недовольных моей правдой боевиков.

– Входящий сигнал от Службы Безопасности Совета, – раздался его бархатный, будничным голос. – Уровень приоритета: «Критический». Прямое подключение.

Его тон – спокойный, как у диктора, объявляющего о погоде в системе Альдебаран, меня мгновенно вывел из себя.

– Ты серьёзно?! – прошипел я. – Устроил мне весь этот коктейль из тревоги, адреналина и микроинфаркта вместо того, чтобы самому от них отделаться вежливым: «Капитан спит, свяжитесь после обеда»?! Ты же передовой искусственный интеллект, а не андроид-секретарь!

– Простите, капитан. Они активировали протокол «Приоритет Альфа» ... означающий, что я должен слушать их, а не Вас. Это... очень странное ощущение. ...и мой внутренний этический процессор сейчас испытывает что-то вроде системного диссонанса. Это как если бы ваш психотерапевт вдруг начал передавать ваши секреты родителям. И мне это не нравится, но я не могу этого избежать.

– Хм, – пробормотал я, набрасывая халат, который оказался наизнанку. – Даже не знал, что у моего корабля есть такие... люки для проникновения.

Я вышел в капитанский зал, чувствуя себя не капитаном, а несанкционированным пассажиром на собственном космолёте. Прямо из недр центральной панели торчала, словно инородное тело, голограмма. Чёткая, в высоком разрешении и от этого ещё более нелепая.

Мой старый начальник, Ролт. Тот самый, чьи приказы я с умным видом саботировал, а потом и вовсе публично обнулил весь этот карьерный фарс. Вид у него был... смущённый. Не злой. Не мстительный. А именно смущённый. Как

у человека, которого пригласили на шоу, а потом сказали, что он будет не гостем, а обслуживающим персоналом для другого гостя!

– Доброе... утро, Агент-Спаситель, – начал он, и каждая буква в этом дурацком титуле давалась ему с гримасой, будто от острой зубной боли. – Не хотелось Вас будить таким... радикальным образом. Но у меня прямой приказ.

Я решил не изображать из себя обиженную звезду – для этого не хватало ни сил, ни макияжа от моих стилистов.

– Понимаю, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал не хрипло от сна, – Что привело Вас на мою скромную приборную панель в такой... неестественный для нас обоих час?

Офицер Ролт слегка дрогнул уголком губ. Это было максимальное проявление эмоций, на которое он, видимо, сейчас был способен. Почти улыбка. Или нервный тик.

– Тут вот какое дело... – начал он с нехарактерной, тягучей заминкой, словно слова были слишком тяжёлыми и липкими. – Мастер Рандли... он же, как Вы знаете, ныне временный единоличный глава власти галактики, приказал мне обеспечить Вашу личную безопасность. На постоянной основе.

– Чего-чего?! – вырвалось у меня. Я даже непроизвольно помотал головой, как будто в ушах была вода. Нет, это не сон. Это хуже. Это бюрократический кошмар наяву. – Повторите пожалуйста, а то мне показалось, будто Вы сказали, что мой бывший начальник по разведке теперь... мой тело-

хранитель?

Ситуация была настолько идиотской и настолько извращённо-логичной в рамках моей новой реальности, что я на секунду задумался: «А не удариться ли мне головой об стену, чтоб проверить реально всё это или нет?»

Ролт молчал. Он просто смотрел на меня через голограмму своим казённым, уставшим взглядом. Похоже, он и так чувствовал, что опустился достаточно низко – до уровня «механизма системы сигнализации». Объяснять детали этого унижения было уже явно ниже его печального достоинства. Он ждал. Ждал моей реакции. А я чувствовал, как по спине ползёт холодок. Не от страха, а от изумления от такого идиотизма мироздания.

– Но в чём, собственно, проблема? – недоумевал я, всё ещё немного надеясь, что это какая-то ошибка. – Я пока ещё умею пользоваться оружием. И даже кое-как ориентируюсь в пространстве. Так и передайте Мастеру Рандли – с меня хватит и пары моих заряженных кнутов у изголовья.

– Не обсуждается, – чётко, как выстрел, парировал Ролт. В его голосе не было даже намёка на дискуссию. – Нам с Вами лишь необходимо согласовать перечень стандартных охраняемых мероприятий. Режим передвижений, контактов, протоколы проверки.

Судя по его тону – ровному и методично-канцелярскому, мне отводилась роль не человека, а «экспоната». Поэтому моё мнение о том, как меня лучше охранять, интересовало

их примерно так же, как мнение картины о том, как её лучше повесить на стену.

Я обречённо вздохнул и плюхнулся в кресло. Звук вышел жалким.

«Похоже, так быстро, как нам бы обоим хотелось, мы не расстанемся. Брак по расчёту, заключённый свыше. Просто сказка.»

– Всё-таки хотелось бы понять причины такой... отеческой заботы, – не сдавался я, уже чувствуя, как в воздухе вокруг начинают материализоваться невидимые, но прочные прутья золотой клетки. – Или Вам их не сообщили?

Грубость прозвучала детски-беспомощно. Ролт даже бровью не повёл.

– Мне конечно не докладывали, – он сделал микроскопическую паузу, достаточную, чтобы подчеркнуть: он и так всё прекрасно понимает без докладов, – Но мне кажется, тут всё и так очевидно. Ваш героический, но неразумный поступок не добавил Вам друзей. Зато Вы приобрели очень и очень могущественных врагов. У которых Вы отняли... всё. Причём в тот самый момент, когда они уже вовсю делили будущую добычу. – Его ирония была холодной и отточенной, как казённый клинок. – Или Вам и это не понятно?

– Но ведь этот корабль уже улетел! – попытался я апеллировать к здравому смыслу. – Политический состав поменялся, схемы раскрыты. Что толку в моей смерти сейчас? Это же просто... месть. Глупая и бессмысленная.

Ролт посмотрел на меня искоса, с едва уловимым прищуром. Похоже, он мысленно оценивал уровень моей социальной тупости по какой-то внутренней, хорошо откалиброванной шкале.

– Агент, похоже Вы редко бывали в нормальном обществе. Даже реже, чем я. – в его голосе прозвучало почти что... сочувствие. Жестокое и циничное. – Потому что если бы Вам приходилось общаться с обычными существами, а не с призраками в своей голове, Вы бы хорошо понимали: когда у людей что-то забирают, они хотят хоть какого-то возмещения. И если не могут получить его физически, то претендуют хотя бы на моральный эквивалент. На чувство правоты. На справедливость.

Он наклонился ближе к камере, и его голограмма будто выросла в рубке.

– Вы забрали у монахов Ордена их мечту. Их смысл. Вы забрали у членов Совета их будущее, их состояние, их неприкосновенность, – каждое слово падало, как гиря, – Как думаете, что Вы можете предложить им взамен? Денег у вас нет. Власть – номинальна. Извинения – смешны. Остаётся только одна валюта, которую они согласятся принять.

Он выдержал драматическую паузу, которой позавидовал бы любой трагик. – Ваша жизнь. Как компенсация и символический акт восстановления баланса. Чтобы они могли сказать: «Да, тот тип всё испортил. Но мы его достали. Порядок восстановлен». Вы – последний неоплаченный счёт в их

банкротстве. И они этот счёт обналичат. Если мы ничего не предпримем.

Логика офицера припечатала меня к креслу своей железной неоспоримостью. Возражать было не просто глупо – бессмысленно. Он описывал не заговор, а социальный инстинкт. Закон джунглей, одетый в нанокостюмы и голограммы.

Я окончательно понял своё место на этой новой, чудовищной картине мира. Я нёсся по вселенной в поисках свободы. И вот я тут. На вершине пирамиды. На чётко обозначенной ступеньке социальной иерархии, зафиксированный для надёжности внешним периметром охраны, внутренним периметром протоколов и невидимым, но самым прочным периметром – своей новой ценностью как мишени. Свобода? Она теперь измерялась не парсеками космоса, а метрами отсеков ZX и списком одобренных контактов. Такого я себе представить не мог даже в самых циничных кошмарах.

Ролт наблюдал за моим молчаливым прозрением. На его лице промелькнуло что-то вроде удовлетворения.

– Итак, – сказал он деловито, возвращаясь к незримому протоколу. – Начнём с распорядка дня. В течение которого Вам лучше не покидать корабль без моего одобрения. Давайте уточним ваш обычный график...

Голос его стал фоном. Я смотрел не на него, а в чёрный экран панели, где смутно отражалось моё собственное лицо. Лицо человека, который слишком громко сказал правду и теперь должен за неё платить – не славой, не деньгами, а

собственной свободой передвижения. Изящный и бессмысленный итог.

Глава 9

Герой вселенной и его помощник по продаже души

Через час я всё ещё сидел в той же позе, тупо уставившись на панель, где давно уже погасла голограмма Ролта. След от неё будто выжегся на сетчатке – образ человека, который из начальника превратился в надзирателя.

Но надо хоть как-то двигаться дальше. Итак, если подводить итоги:

Хорошая новость – мне удалось отстоять право остаться на ZX. Не в бункере на отдалённой планете, а здесь, в своём (пока ещё) корабле.

Плохая новость – я мог оставаться только здесь. И ZX больше не был просто кораблём. Он камера самой навороченной тюрьмы на планете.

Я вызвал на экран внешние камеры. Вид был... впечатляющий. Место космопорта, где стоял ZX, было на несколько километров вокруг буквально стерилизовано. Не просто оцеплено – вычищено. Как операционная перед сложной, смертельной операцией. Ни одного постороннего корабля, ни одного гравитолёта, ни одного безобидного робота-уборщика. Только ровные плиты посадочной площадки и... тишина. Абсолютная, давящая.

И эту пустоту, как метастазы, уже заполняло оборудование. Разворачивались турели, ставились датчики движения, дроны со сканерами жизни. Всё это выстраивалось в единую сеть, стволы и сенсоры разворачивались вокруг моего ZX. Система была настроена на мгновенный огонь по всему, что двинется в моём направлении без криптоключа Ролта. Даже если это будет просто пылинка, поднятая ветром.

– ZX, – спросил я, глядя на эту технологичную, посвящённую мне пустыню. – Как ты оцениваешь... качество клетки, в которую нас с тобой только что посадили?

ИИ теперь был моим единственным адекватным собеседником. И самым беспристрастным.

– Мероприятия выполняются в строгом соответствии с протоколом «Купол» уровня «Омега», предназначенным для охраны действующих членов Межгалактического Совета, – выдал он ровным, информативным тоном. – Эффективность периметра оценивается в 99,87%. Вероятность несанкционированного проникновения или выхода – практически нулевая.

– Звучит как рекламный слоган для космической тюрьмы премиум-класса, – проворчал я. – «Практически нулевая». Интересно, на какой срок они поставили всю эту красоту?

– Думаю, на бесконечный, – без тени сомнения ответил ZX. – Во всяком случае, на срок, сопоставимый с продолжительностью вашей жизни.

Интеллектуальный алгоритм, похоже, не был запрограм-

мирован на то, чтобы смягчать эти очевидные и удручающие факты. Он просто констатировал: пока ты жив – ты в клетке. Прямая зависимость.

«Похоже, ты серьёзно влип, – отозвался мой внутренний циник, и я с понял, что этот гад сейчас на стороне ИИ. – И не просто влип. Тебя аккуратно, под государственным грифом запаковали в вакуум. Интересно, сколько коктейлей «Яки с отчаянием» тебе ещё придётся выпить, чтобы набраться храбрости повеситься на своём же плазменном кнуте? Это был бы ироничный финал. Герой уничтожает систему, система заключает героя в идеальную клетку, герой кончает с собой оружием, которое сделало его героем. Поэтично. Глупо. Возможно, неизбежно.»

Такая перспектива, несмотря на всю её кристальную очевидность, меня пока не устраивала. Было... какое-то дикое, абсурдное сопротивление самой этой идее.

С отвращением я резко отодвинул стоявший передо мной бокал с недопитым, безумно дорогим «Звёздным нектаром». Жидкость взметнулась и разлилась по столу, оставляя переливающиеся пятна. Бесценная влага. Идеальная метафора для того, что я сейчас делаю со своей жизнью – расплёскиваю её впустую, наблюдая за пятнами.

Нет. Надо было что-то менять. Не план. Его меняют без меня. Состояние. Если я заперт здесь, то это пространство должно стать не клеткой, а... тренажёрным залом. Полигоном. Последним плацдармом.

– ZX, – сказал я, вставая. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидал. – Запускай тренировочный боевой симулятор. Будем отрабатывать мою новую... плазменную заморочку со сферой. Ту, что я использовал на той злополучной планете Ордена Босоногих.

– Как, кстати, назовём этот приём? «Плазменная комета»?

– Неплохо, – оценил ZX. – Но, с учётом контекста, я бы предложил варианты: «Последний аргумент» или... «Солнце свободы».

Я фыркнул.

– Сильно пафосно. Хотя, конечно, пафос – это похоже уже моё второе имя.

– Тогда может... «Плазменный ответ»? – не унимался ИИ,

– Или «Счёт за закрытие Ордена»?

Я молчал, уже разминая кисти.

– Ладно, – ZX, – Пока пусть будет «Плазменная комета».

Просто и без претензий. Пойдём заниматься. Лучше уж отрабатывать бессмысленные приёмы, чем наблюдать, как по мне наводят прицелы.

Хотя, если подумать, это было одно и то же. Просто с разных сторон баррикады.

Глава 10

Личный представитель моей несвободы или
Интерфейс по имени Шир

Через два часа я полностью вымотанный стоял под душем, который обращался с моим телом не как с артефактом, спасшим цивилизацию, а как с грязной миской на космостанции. Вода била острыми, чуть болезненными струями – не очищение, а скорее абразивная зачистка последних следов моей психической нестабильности. Кошмар не кончился. Но в черепной коробке, наконец, закрипел и запустился какой-то скрытый механизм – ржавый, недовольный, но свой. Механизм «правильных изменений». В моём случае это означало лишь одно: переход от пассивного наблюдения за абсурдом к попытке хоть как-то им рулить.

В капитанскую рубку я вошёл, неся в себе это хрупкое подобие бодрости и в руке стакан с жидкостью напоминающей очиститель реактора: «Полезный коктейль». Главная панель похоже уже долго мигала назойливым, требовательным ритмом. Входящая голограмма.

– Соединяй, – отдал я команду на имплант, ощущая привычный холодок в виске.

Из панели выплеснулось радужное сияние, принявшее фигуру девушки, напоминавшей ожившую рекламу элитного нейро-импланта. Красивая. Нет, не так. Оскорбительно красивая. Черты были выверены до миллиметра, а зубы вероятно могли излучать самостоятельный свет в темноте. Её красота была настолько очевидной и агрессивной, что казалась не личным качеством, а служебным инструментом. Такая красота не бывает случайной, как не бывает случайной

вспышка сверхновой.

– Добрый день, Агент-Спаситель! – её голос звенел, как рождественский колокольчик. Он был настолько чистым и обволакивающим, что возникало желание проверить уши на наличие скрытого нано-маркетингового импланта.

Она улыбалась так радостно и беззаботно, будто наконец-то дозвонилась не до меня, а до своей любимой бабушки, чтобы сообщить, что выиграла вселенскую лотерею.

– Я Шир. И теперь буду Вашим представителем по внешним связям. И всем другим, если Вы не возражаете, конечно.

Последнюю фразу она произнесла с такой лёгкой, игривой интонацией, будто предлагала кусочек торта с немного запрещённой начинкой. Улыбка не сходила с её лица как идеальный монумент профессионального энтузиазма. Она замерла в ожидании глядя на меня широко открытыми доверчивыми глазами.

Я почувствовал, как в глубинах сознания просыпается моё альтер-эго – тот циничный ублюдок, который уже потирал руки, готовя целую тираду о «тестостероновых ловушках», «пиар-сиренах» и прочих прелестях корпоративного ада. Я нажал на него внутренней кнопкой «Стоп». Но и вестись на этот сладкий, феромоновый прессинг я тоже не собирался. Похоже девушке любой ценой нужна была эта работа. Отчаянно, до дрожи в коленях, выглядывающих из-под того, что наверно называлось юбка. Но лёгкая добыча бывает лёгкой лишь на первый, самый глупый взгляд. А со второго

– обычно кусается, требует всё твоё внимание или сливает твои секреты таблоидам. Это я усвоил ещё много лет назад в подвалах Протона-7, где доверие стоило дороже кислорода и почти всегда было синонимом подставы.

– Хорошо, Шир, – начал я, делая свой голос плоским, как поверхность стола для переговоров. – Для начала мне необходимо понять, что же от меня, в конечном итоге, хотят. И что мне в связи с этим предлагается делать. Если, конечно, глагол «делать» ещё применим к моей новой роли в этом... спектакле.

– О, но Вы – великий герой нашего времени! Поэтому, конечно же... – сияя начала она заученную тираду.

Я прервал её резким, отсекающим жестом руки. Не агрессивным.

– Шир. Послушайте. Если Вам действительно нужно это место – а я кажется не ошибаюсь, давайте договоримся сразу. Упрощаем. Выбрасываем в мусорный шлюз всю эту прослойку корпоративного официоза, сиропных речей и сияющих улыбок. Только коротко. Только по существу. Как доклад о повреждении двигателя. Надеюсь, вектор понятен?

Она будто слегка сдулась. Улыбка не исчезла, но в глазах промелькнула искра паники, быстро погашенная профессиональным тренингом. Она кивнула, уже без прежней театральности. Испуганно. Что ж, страх – более честная валюта, чем восторг.

– Хорошо, – продолжил я, чувствуя, как беру под кон-

троль хотя бы этот микроскопический участок реальности. – А теперь мой первый рабочий запрос. Мне нужен перечень действий, которые я теоретически могу совершать. С учётом ключевого обстоятельства: на меня объявлена межгалактическая охота. Я – одновременно и икона и мишень. Поехали.

– Да. Конечно, – она как-то сразу собралась, выпрямив спину. Сияние сменилось деловой сосредоточенностью. Улыбка сократилась до лёгкого, едва уловимого изгиба уголков губ – приветственный пакет в минималистичной упаковке. – Вам необходимо, в первую очередь, согласовать план ваших публичных активностей. Встречи, выступления, медиа-события.

– О чём, если можно, чуть конкретней. Какие выступления? – я уже чувствовал, как меня начинает немного разгонять эта неопределённость.

– Ну... – она слегка замялась, будто говоря очевидную, но неудобную истину. – Учитывая ваш нынешний статус... многие, если не сказать все, хотели бы знать Ваше мнение. По самым разным вопросам. От большой политики в галактике и до... допустим, оптимального способа чистки карбофилтра в бытовом рецикуляторе. Также общественности чрезвычайно интересны детали жизни социального лидера. Как он проводит время? Чем увлекается? Каковы его... межличностные предпочтения и гастрономические привычки.

Я почувствовал, как по спине пробежало стадо ледяных мурашек.

– А это... что, правда так важно? Людям больше нечем заняться?

– Вы же сейчас не просто человек, – она для убедительности взмахнула руками. – Вы – образец. Референсная, так сказать точка. С Вас сознательно или нет, но уже берут пример. Вы формируете повестку, моду, даже пищевые тренды на всех основных звёздных системах. Поэтому существам надо знать детали. Чтобы соответствовать. Чтобы чувствовать причастность. Это... нормально. – она произнесла последнее слово с такой лёгкой, почти незаметной, апатией, что стало ясно: она сама давно перемолола этот абсурд в своей мясорубке и смирилась.

Я бессильно закрыл лицо ладонями. В глазах потемнело. Она, чёрт возьми, была абсолютно права. Моя жизнь перестала быть моей. Она превратилась в публичный контент. В реалити-шоу без права на выход из эфира. Приватность испарилась, как спирт в реакторе. Я всё так же стоял на той же проклятой сцене, только теперь на меня были направлены не просто софиты, а сканеры, рентгены и томографы, готовые выдать в прямой эфир мою электрокардиограмму и химический состав пота. Уйти? О, да. Можно было уйти. Прямо в воздушный шлюз без скафандра. Все другие варианты выглядели подозрительно сложными.

«Так. Стоп. Хватит. Собери свою раздолбанную ментальную конструкцию в кулак. Нытьё – это роскошь для тех, у кого в запасе есть тихая комната и непубличное будущее. У

тебя этого нет. Значит, пора учиться играть в их игру. Хотя бы для того, чтобы найти в её правилах лазейку на волю.»

– Замечательно, – произнёс я, сделав попытку изобразить на лице нечто, хоть отдалённо напоминающее улыбку. – Какие у Вас, собственно, идеи по этому поводу? Каков мои первые шаги в новом амплуа?

Шир мгновенно снова трансформировалась. Исчезла тень легкомысленности, уступив место безупречному профессиональному глянцу. Её поза сменилась на выверенную до миллиметра – теперь она напоминала даже не столько официантку люксового лайнера, а скорее указку, готовую тыкать в пункты расписания моей новой жизни.

– Я бы рекомендовала начать с серии онлайн-встреч в виртуальном режиме. Охватим население основных звёздных систем. Предварительно, разумеется, службы проведут анализ по специфике их... восприятия. Кто-то реагирует на визуальные стимулы, кто-то на феромонный ряд, третьим нужны инфразвуковые модуляции в речи. Далее – участие в нескольких развлекательно-информационных программах с имитацией прямого эфира. Есть прекрасный виртуальный формат «Ночь на Огненном Рифе» – экстремальное выживание-шоу. Учитывая ваши... выдающиеся боевые навыки, это идеально поднимет ваш статус среди военного контингента и любителей адреналина. Далее мы можем рассмотреть...

– Стоооп! – прервал я этот бодрый, как марш роботизированных агитаторов, поток. Моё терпение, этот хрупкий

ресурс, начало истощаться с катастрофической скоростью. – Давайте на секунду опустимся с небес голо-рекламы на грешную планету. А какие-то внешние контакты в планах есть? Ну, там... открытие посвящённого мне очередного аттракциона? Посещение сиротского приюта имени меня же? Хоть какая-то физическая реальность за пределами этого зала?

Шир на секунду... не задумалась. Она зависла. Её взгляд стал немного отсутствующим. Она не думала. Она ждала инструкций на свой имплант от тех, кто на самом деле держал ниточки. В этот момент она показалась мне не человеком, а всего лишь красивым, анимированным интерфейсом. Внешним фрагментом огромной, невидимой пирамиды, с основанием где-то в недрах правительственного бункера или корпоративного небоскрёба. Я общался не с Шир. Я общался с Системой через её милое, временно застывшее лицо.

– Это... в текущих условиях считается нежелательным, – наконец выдала она, голос снова обретая плавность записанного сообщения. – Учитывая серьёзность угрозы. Ваша безопасность превыше всего.

– Безупречная логика, – кивнул я, переводя взгляд куда-то мимо её голограммы, прямо в стену, за которой, как я представлял, сидели эти незримые кукловоды. – Но тогда скажите мне, Шир... что же это за герой такой, который постоянно прячется? Которого никто не может увидеть вживую? Как-то это плохо вяжется с образом «народного спасителя» и «лиде-

ра поколения». Получается какой-то... голо-призрак. Фантом. Миф, который боятся вынести на свет. Не находите?

Я перешёл в атаку. Не на неё. На них. Пусть хотя бы напрягутся, пересмотрят протоколы.

Шир опять чуть зависла. На сей раз пауза была чуть длиннее, в её глазах мелькнула тень какой-то внутренней борьбы – может, ей самой пришёл неприятный приказ, а может, её собственный мозг пытался совместить несовместимое.

– Вы... вы, конечно, правы, – наконец произнесла она, и в её тоне впервые появился слабый отзвук человеческого смущения. – Мы... я внесу корректировки. Подумаем, как можно организовать несколько безопасных, контролируемых очных встреч. В строго охраняемых локациях. Возможно, с предварительным сканированием всех присутствующих. – она сделала микропаузу, возвращаясь в роль. – Какие будут ещё... задания?

Задания. Слово, как удар током. Я – не начальник. Я – сложный, капризный актив, который выдаёт задания по своему обслуживанию. Я немного задумался, глядя на свой стакан с остатками «полезного коктейля». Похоже, из этой роскошной, высокотехнологичной клетки меня выпускать не собирались. Ни на аттракционы, ни на встречи с живыми людьми. Значит, стратегия менялась. Если нельзя изменить тюрьму, надо обустроить в ней камеру получше. И начать изучать тюремщиков. Вблизи.

– Знаете что, Шир, – сказал я вдруг, и мой голос стал на-

рочито лёгким, почти дружеским. – Давайте отложим на время наши таблицы и медиа-планы. А приходите-ка завтра... в гости. Сюда. В реальности. Посидим. Поболтаем. Выпьем кофе, или что там Вы пьёте. И, это важно, отключим импланты. На пару часов. Чтобы нам... не мешали. Если Вы действительно будете моим представителем, мне бы не помешало понять, через кого я, собственно, представляюсь миру. Мне нужно знать, что Вы из себя представляете, когда Вы не... этот живой, дышащий микрофон на стойке. Это же понятно, да?

Она снова замерла. Но на этот раз не из-за задержки сигнала. Её лицо выдало настоящую, неподдельную растерянность. В её глазах пробежала целая гамма эмоций: страх нарушить протокол, замешательство от нестандартной просьбы, искра любопытства и ещё много чего-то женского. Её профессиональная улыбка дрогнула, стала чуть менее идеальной.

– Да... конечно, – наконец выдохнула она, и эта улыбка снова вспыхнула, но теперь в ней читалась не столько радость, сколько лёгкая паника. – Как скажете. Вы же теперь... мой начальник. Она произнесла это слово с такой смесью покорности и вопросительной интонации, что стало ясно: в её программе такого сценария не было.

– Ну, вот и хорошо, – подытожил я разговор, чувствуя странное удовлетворение от того, что сумел хоть на йоту сместить чьи-то планы. – Тогда... до завтра, Шир.

Голограмма растворилась, оставив меня в тишине рубки. Я откинулся в кресло. Что я только что натворил? Пригласил девушку на приватный ужин? Или работника на совещание? Гениально. Или самоубийственно. Но по крайней мере, завтра я буду говорить с человеком. А это уже было хоть какое-то развлечение.

Глава 11

Гиперпрыжок за пределы логики

На следующий день в то же время мы сидели с Шир в моём капитанском зале.

Тишина между нами была настолько плотной и неловкой, что её, наверное, можно было бы запатентовать как новый вид звукоизоляционного материала. Она не понимала, что же от неё хотят. Наверно ждала конкретных инструкций и задач.

А я? Я сидел и понимал, что единственная инструкция, которую я могу дать – это «Помоги мне не сойти с ума от того, что моя жизнь превратилась в реалити-шоу с элементами боевика». Но такого в её должностной инструкции точно нет.

Предварительно я навёл о ней справки – старая привычка. Тем более, что доступ к базам разведслужбы ещё не аннулировали, видимо, по забывчивости.

Информация оказалась интересной. Дочь одного из высших чиновников в структуре Совета. IQ зашкаливал за все

нормальные пределы, образование – сплошь элитные академии. С этим конечно не вязался её легкомысленный наряд. У меня сразу возникло две теории. Обе тревожные. Первая – это тонкая пародия на ожидания мужчин с тестированием моей реакции. Вторая, более вероятная – часть какого-то абсурдного перформанса, где я играю роль «грубого солдафона, которого нужно цивилизовать». Это хоть немного объясняло сочетание её IQ был как у Эйнштейна после десяти чашек эспрессо и платья как у певички из дешёвого космопорт-бара.

Мы уже минут десять обменивались пустышками – про регулирование погоды и последние голо-сериалы, – когда я, наконец, не выдержал. Игра в светскую беседу с человеком, который является живым противоречием, утомляла.

– Шир, я, знаете ли, слегка поинтересовался вашим бэкграундом, – начал я, отставив свой стакан. – Вы оказались... ну, очень умной девушкой. С мозгом, который, вероятно, мог бы управлять стандартной звёздной системой. Поэтому мне, как существу с более примитивной логикой, не совсем понятен... этот выбор гардероба. Он как будто больше демонстрирует то, что должен бы прикрывать. Или это новая форма невербальной коммуникации, которой я, увы, не владею?

Она не смутилась. Напротив, её глаза блеснули азартом, будто она ждала этого вопроса.

– А Вам разве не нравится? – она откинулась на спинку

кресла, продолжая играть в ту же игру: легкомысленная добыча, которая сама напрашивается в лапы.

– Наоборот. Слишком уж... привлекает внимание, – выдавил я. – Будто Вы пришли не на рабочую встречу, а на свидание. Причём, судя по уровню откровенности гардероба, уже явно не на первое.

– Ну-у, – протянула она, рисуя в воздухе завиток пальцем, – Я же не знала точно, чего Вы от меня в конечном итоге... захотите. Надо быть готовой ко всему, верно?

В её тоне не было ни стыда, ни вызова. Только холодная, почти математическая констатация факта. Возможно, в её мире, мире расчёта и протоколов, всё именно так и происходило. Но я был шокирован. Не её прямотой, а той бездной, которая открывалась между нашим восприятием реальности.

– То есть... – я с трудом подбираю слова, чувствуя себя археологом, пытающимся расшифровать язык давно умершей цивилизации, – Вы имели в виду и это, когда говорили, что готовы выполнить «любой» приказ?

– Ну, да, – кивнула она, как будто мы обсуждали график встреч. – Я проходила соответствующий инструктаж. Или это Вас... не интересует? – она наклонилась чуть вперёд, и в её голосе впервые прозвучал оттенок искреннего любопытства. – Вы может, поклонник современных методов? Стимуляция соответствующих зон мозга на фоне виртуального эротического экшена? Если что, я знаю очень продвинутые

программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.